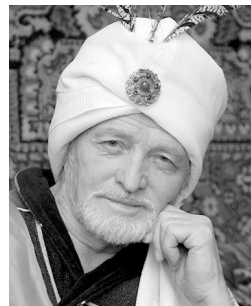

Борис
Щербаков

ВЛАСТЕЛИН ПУСТЫНИ

Исполнилось 80 лет писателю-натуралисту, ученому-орнитологу, отличнику народного просвещения Казахстана, почетному гражданину городов Усть-Каменогорск и Хошимин Борису Васильевичу Щербакову. Уже одного из тех званий, что связаны с его именем, достаточно, чтобы войти в историю науки, просвещения и литературы нашей страны. Но Борис Щербаков гармонично соединил в своей личности творческую и исследовательскую ипостаси, став первооткрывателем-орнитологом и писателем-натуралистом, воспевающим красоту и величие родной природы, страстным ее защитником, педагогом, посвятившим экологическому воспитанию детей и юношества десятилетия своей жизни.

Уже о первой книге Б. Щербакова «Жизнь лунных тугаёв» (1976 г.) академик Академии наук КазССР Евгений Гвоздев сказал, что в ней нет ни одного отступления от научных фактов. И в то же время произведения ученого увлекательны, занимательны, открывают неизвестные ранее, таинственные страницы жизни природы, ведут нас заповедными тропами знания и вдохновения. Таковы книги «Ожившие реликты», «У озера звенящих колоколов», «Тропа длиною в год», «Зеленый дом», «Травы памяти» и другие.

Во время научных экспедиционных поездок исследователь посетил самые отдаленные уголки Восточного Казахстана, пройдя пешком и проехав более 50 тысяч километров по родному краю, где жили еще его деды. Уба, Ульба, Бухтарма, Курчум, Черный Иртыш, Зайсан, Маркаколь, Нарым, Тарбагатай! С каждым из этих названий связаны научные открытия и новые книги! Многими маршрутами он прошел вместе с юннатами горного Алтая, вырастив новых ученых, исследователей и экологов, защитников природы. Первым в мире орнитолог Б. В. Щербаков нашел гнездовье подвита алтайского щура и центрально-азиатского певчего сверчка, открыл 21 новый вид птиц! Пернатому братству, владеющему небом, посвящены его книги «Птицы за окном» и «Птицы Восточного Казахстана», у восточно-казахстанского писателя — одна из лучших коллекций тропических птиц в республике.

Имя Бориса Щербакова значится не только на обложках его книг, но и в названии горного озера и двух видов растений Западного Алтая. Восточный Казахстан в его лице имеет страстного защитника своих природных богатств, при непосредственном содействии писателя создавались Западно-Алтайский за-

поведник, Тарбагатайский заказник, ведутся работы по созданию Ульбинского горно-степного заказника, разработаны новые туристские маршруты.

И книги последних лет, над которыми работал Борис Васильевич Щербаков, несут свойственную его неуёмной творческой душе новизну. Настоящей энциклопедией родного края стал богато иллюстрированный 1000-страничный фолиант «Сердце Евразии – Восточный Казахстан», презентацию которого приветствовал первый Президент РК Н. А. Назарбаев в год 80-летия Усть-Каменогорской области. Подарком к юбилею Абая Кунанбаева стала книга «В степи Жидебая», изданная на казахском и русском языках, показывающая личность и творчество великого поэта, мыслителя и просветителя в его неразрывной связи с природой как частью духовного космоса казахов.

Желая в год юбилея старейшему автору «Простора» новых прекрасных жизненных маршрутов и новых книг, вдохновлённых бескорыстным служением Отечеству, мы предлагаем адресованную юным читателям повесть Бориса Щербакова «Властитель пустыни». В сказочно-мифологической форме она знакомит с миром великих пустынь, их флорой и фауной, климатическими особенностями, учит не только выживать в пустыне, но и жить в обществе по нравственным законам – справедливости, мира, добра.

В ПУТИ

Семь раз восходило и столько же пряталось за краем земли белое солнце Великой песчаной пустыни. Дни и ночи без сна и отдыха брёл сыпучими барханами, горячими дюнами одинокий путник. Ни единого облака в бесцветном небе. Ни капли дождя. За всё время не колыхнулась травинка. Тишь вокруг и безветрие. И сколько ни всматривался путник в знойную даль, всюду ослепительное, злое солнце да жёлтый, обжигающий песок. И все эти дни на пути – ни одной живой души. Никто за всё это время не окликнул его по имени.

А путник шёл и шёл, едва передвигая ноги от усталости. Губы его запеклись, язык от жажды распух, в горле пересохло. «Всё, умираю», – подумал он и решил помолиться, попросить Всемогущего Аллаха о помощи. Но вместо слов в груди его клокотал глухой стон. И Ахмет, так звали путника, приказал себе: «Идти и идти вперёд! До конца, насколько хватит сил».

И снова он шёл. А вокруг была Великая пустыня.

Ахмет вспомнил, как старейшины-аксакалы его аула, затерянного среди бескрайних песков, просили его – молодого и сильного – сделать всё возможное ради спасения оставшихся людей его племени. Главный из аксакалов, высохший от времени и горячих ветров, сказал в тот страшный час: «Слушай и запоминай слова мои, сын наш! Если так уж случилось – все кибитки и юрты наши разграблены, воины наши пали в неравном сражении, женщин и детей враги пленили, – но Великий Аллах решил, чтобы мы, жалкая горстка, выжили. Это значит, мы должны сохранить память о наших предках. И слава Великому Творцу, что ты и несколько юных дочерей в роковой час были на дальних отгонах и остались живы!» Произнеся эти слова, аксакал опустил на колени и, воздев к небесам сухие руки, коснулся лбом горячего песка. «Теперь, – продолжал он, – ты остался один, молодой и сильный. Ты должен спасти нас! Видишь, как от жажды и голода умирают дети. Матери от горя рвут на себе волосы, теряя рассудок», – старик снова поднял

руки и просил небеса помочь обездоленным. Ещё Ахмет запомнил затуманенные горем глаза своих соплеменников. «Возьми хорджун с водой, половину лепёшки. Это всё, что у нас осталось. Иди вглубь Великой пустыни, найди оазис. Спаси нас от жажды и голода. Только там, в сердце песков не смогут преследовать нас враги. Иди, сын мой. Иначе все мы погибнем! Если не убили враги, сделает это солнце. Да поможет тебе Всемилостивый Аллах! Да помогут Все вечные небеса и Могущественные духи Великой пустыни!» – и старец указал ему путь. Юноша попрощался с людьми, с родным аулом. Спрятал под халат лепёшку, перебрал через плечо хорджун, поклонился и пошёл. Не знал он, увидит ли когда-нибудь ещё родные лица. Надо было отыскать оазис. Ахмет поднялся на ближний бархан и ещё раз оглянулся. Истощённые зноем, старики, женщины и дети спасались в тени старого верблюда.

Семь дней и ночей шёл и шёл, не останавливаясь, юноша. Четверть небесного круга прошёл над Великой пустыней серебряный месяц. Седьмой раз в вечерних небесах зажигались и меркли звёзды. Столько же поднималось и гасло солнце. Съедена лепёшка, выпит последний глоток воды. Пески не кончались. Оазиса не было. Силы на исходе.

С великим трудом переставлял он ноги. «Что делать? Куда идти?»

Вдали стоял самый высокий и самый жёлтый бархан. «Может, с него оазис увижу», – подумал Ахмет и, собравшись с последними силами, пошёл к нему.

НА БАРХАНЕ

Трудно и долго шёл он до высокого и жёлтого бархана. Силы иссякли. Обжигая руки о раскалённый песок, он уже медленно полз. Песок засыпал глаза, хрустел на зубах, попадал в уши. Обессиленный, он уже лежал, уткнувшись в горячий, сыпучий бархан. Идти не мог. Не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело омертвело. «Всё! Конеч!» – решил он. Ему хотелось заплакать от обиды, что не нашёл оазиса, не спас людей. Но слёз не было. Перед глазами стоял дряхлый верблюд и в тени его – умирающие женщины и дети. Но вдруг он ощутил, как по щеке горячей змейкой потекла струйка песка. Ахмет открыл глаза. Перед ним сидел жук-скарабей – рогатый, криволапый, словно отлитый из чугуна. «Священный жук!» – удивился юноша.

Жук карабкался вверх. Всеми своими шестью лапами скрёбся на бархан. Песок стекал по склону, проглатывая жука. Но скарабей снова и снова полз, подобно пловцу выныривал и стремился вверх. Жук был упорным. И Ахмет увидел, как он, наконец, выбрался на вершину бархана.

– Скарабей! Жук священный! Сколько силы в нём! Я тоже смогу. Я тоже сильный! Смогу! – выдавил он из себя. И, собрав волю и силу, выплюнув набившийся в рот песок и разгребая горячие струи, подобно скарабею тоже пополз на бархан. «С него увижу оазис. Спасу людей...» Путь к вершине оказался мучительной вечностью. Ахмет не раз терял сознание. Наконец он выбрался на жёлтый и красивый бархан. На тысячи шагов длинноногого дромадёра просматривались голые, раскалённые пески. Но оазиса не было. Ахмет стиснул зубы. На них скрипел песок.

– Обманул скарабей! Я поверил в него, как в знамение Аллаха, – огорчился он. – Надеюсь, что это Он – Всевышний послал мне священного жука.

Юноша опустил на колени голову: «Что дальше? Как быть? Куда идти?». Он снова впал в забытие. И вдруг шорох! Ещё и ещё... Ахмет прислушался. Открыл глаза. Над барханом танцевал песчаный вихрь.

«Странно, тишина, и вдруг вихрь? С чего бы?!» Вихрь рос на глазах, ходил кругами, извивался, сжимался, вытягивался, пока не стал похожим на плотное веретено. Послышался свист, жужжание, будто кружил рой озлобленных ос. «Но что это?!» – Ахмет тряхнул головой. Протёр глаза. Перед ним странного вида нелепое создание с круглыми глазами оглядывало измученного путника. Заглянуло в его воспалённые глаза. И сердце дрогнуло у молодого путника. Нечто грозное, таинственное было в его взгляде, во всём его уродливом теле. «Что это? Привидение?» Но привидение не исчезало. Оно по-прежнему не спускало с Ахмета глаз.

У странного создания – руки, голова, отвисший круглый живот и раскоряченные, как у лягушки, лапы. Неуклюже, медленно оно приподнялось, обошло путника, опаялая огненным взглядом, и, поджав задние лапы, присело, положив руки на колени. На костяном лице его растянулись тонкие губы. Ахмет понял – улыбается. «Жаба песчаная! – мелькнула у него мысль. – Ей бы в болоте отлёживаться, а не в пустыне сидеть».

А странное существо сидело теперь рядом. Ахмет с опасением разглядывал его. Шелковистая борода клинышком падала на тощую грудь, мохнатыми рожками торчали острые, лешачьи уши. В круглых глазах, с вертикальными зрачками, подрагивало оранжевое пламя. Безобразную голову песчаного обитателя украшала солнечная корона, от которой исходило ослепляющее сияние.

И вдруг Ахмет всё понял, сердце его сжалось. Он вспомнил, что в глубине Великой пустыни, по рассказам аксакалов и старых акынов, живёт страшный Дух пустыни. «Вот он – ужасный! Властный! Жестокий Дух!» – подумал путник. А Дух совсем по-человечески несколько раз чихнул и разразился пронзительным и визгливым смехом. Живот его запрыгал, затрясся... Из него, как из дырявого мешка, в разные стороны полетел песок.

«Нет! Всё это кажется», – сказал себе Ахмет. Он закрыл глаза и тряхнул головой, надеясь, что призрак исчезнет. Но он не исчезал. «Это от усталости. Отдохну, и всё пройдёт», – успокоил себя путник. Так и сделал. Но когда открыл глаза, Дух по-прежнему тихо и смиренно сидел, положив на лягушачьи колени тонкие руки. Он поскуливал и беззвучно хохотал.

Совсем не по себе стало Ахмету. Страх коснулся сердца. «Чепуха какая-то! Сейчас всё исчезнет, или я не мужчина!»

– Нет, не сомневайся, путник Великой пустыни! – заговорил вдруг дрожащим голосом Дух. – Э-э-э-т-т-о-о Я-а-а-а! Я-аа е-е-сть! Н-а-а-ст-о-о-о-я-щ-и-и-й! В-е-е-л-и-и-к-и-и-й! – Дух визгливо хохотал. Но вдруг лицо его помрачнело, взгляд сделался ледяным. Хищные глаза направлены были в самое сердце Ахмета. Тотчас холодная дрожь проползла по телу юноши.

Дух властно зашептал:

– Я-а, Великий Властелин Великой пустыни!

Он погладил шелковистую бородку и прозрачные усы, что стеклянно искрились под ярким солнцем и которые Ахмет сразу не заметил. Взгляд Властелина оставался пристальным, недобрым. Никого ещё страшнее и безобразнее Ахмет не встречал. Он ещё раз протёр глаза: «Не чудится ли? Нет!». И хотя Ахмет был

не из робких, он не мог спокойно смотреть в глаза Духа, налитые свирепостью и ненавистью. «Чего мне бояться его, – думал Ахмет, – он же не больше медного самовара, какие высятся на наших столах в ауле. А сколько недоброго в нём!»

Дух вдруг нахмурился. Нос, похожий на клюв орла, врезался в верхнюю губу. «Недоброе замыслил», – подумал Ахмет. Дух, прочитав его мысли, снова разразился визгливым смехом. Теперь, казалось, добродушнее и веселее никого нет на всём белом свете. Тираны умеют казаться хорошими. Умеют быть льстецами хихикать и казаться добрыми покровителями. Смех хозяина Великой пустыни ещё больше настораживал. В пронзительном визге слышались жуткие взлаивания голодных шакалов. А Дух уже хохотал так, что его янтарная корона сползла на глаза. Живот его подпрыгивал, он сам трясся, как в лихорадке, песок от него летел в разные стороны.

Ахмет уже не сомневался, – перед ним не просто уродливый Дух, а гроза всего живого – Властелин Великой пустыни. Жестокий, бездушный. Дыхание его тлетворно, голос жуткий, взгляд страшный. И всем этим сам Властелин гордится. Перед юношей сидел самый свирепый из всех земных владык Мира.

– Э-эх! Да-а! – сказал, утомившись от смеха, Властелин. – Это и есть Я-а-а! Я-а-а рад, ты узнал, ты вспомнил, догадался! Да-а, это Я-а-а, Сильнейший из Сильнейших, Мудрейший из Мудрейших на этой земле!

СИЛЬНЫЙ ИЗ СИЛЬНЕЙШИХ, МУДРЫЙ ИЗ МУДРЕЙШИХ

Властелин тихо и мирно сидел на вершине своего самого высокого и самого жёлтого бархана и, как чудную букашку, разглядывал гостя. Страх глубже и глубже проникал в сердце Ахмета. «Он погубит меня», – думал путник. Но не себя жалел батыр. Он беспокоился о людях своего аула: «Как они теперь? Страдают от голода и жажды. Они ждут меня. Надеются... Оазиса нет. Что я могу сделать в этой Великой пустыне?»

Властелин медленно поднял тощий палец, устремил взор в небо, пронзительно и картаво заверещал:

– Тебя, о несгибаемый путник, приветствует сам Властелин!

Он стал загибать пальцы, чтобы не сбиться, и заговорил нараспев:

– Сильный из Сильнейших, – загнул первый палец, – Добрый из Добрейших, – второй, – Мудрый из Мудрейших! – уже загнуты целых три пальца.

Властелин посмотрел на них, посчитал и, поняв, что не всё сказал, продолжал говорить и загибать оставшиеся пальцы. Он, как только мог, восхвалял силу, мудрость и красоту свою. Теперь он ходил по бархану, оставляя жабы следы. А когда все пальцы кончились, подошёл к Ахмету и стал загибать пальцы на его руке. Много чего наговорил он о себе самыми лучшими словами, какие только знал, какие только есть на белом свете.

– Видишь, какой я добрый, сильный, умный, красивый, самый-самый!

Властелин опять сел напротив Ахмета, тихо и спокойно промолвил:

– Перед тобой Великий из всех Великих на земле – сам Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух!

Назвав настоящее имя своё, он надул живот и стал ещё более важным и ещё больше похожим на большую песчаную жабу. Услышав подлинное имя Властелина, юноша испугался ещё больше. Про себя он решил: «Пора, пока цел, уйти

с этого бархана. Нужно отыскать оазис». Но Властелин, положив руку ему на плечо, заговорил:

– Всё это – мои владения.

Он обвёл руками рыжие горизонты:

– Я – Властелин, Владыка Великих и Малых пустынь мира! Сын Солнечного огня! Господин Жажды! И есть Я – Великий, покорнейший слуга Её Величества Жестокости! Видишь сам, о путник – гость мой, есть у меня где разгуляться повеселиться. И я докажу тебе это, самому счастливому из всех людей на земле, тебе – Ахмет!

Ахмет очень удивился, что Владыка Великой и злой пустыни знает имя его.

– Ты один из всех смертных имеешь честь и счастье великое лицезреть образ мой таким вот, какой я есть. Все знают – есть я, но никто не знает, какой я-а-а! А Я-а-а захочу – стану облаком, жуком и даже самой малой песчинкой. Могу быть здесь и нигде! Поэтому никто не видел Моего Мудрейшего и Добрейшего, Сильнейшего и Умнейшего Величества! Ты, юный друг мой, – гость мой! И в этот счастливый для меня день перед тобой стоит Владыка всех Величайших жёлтых морей земли.

Снова он загибал пальцы, восхвалял и прославлял себя и говорил так много и долго, что даже утомился. Но очень доволен был Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух, сказав всё обо всех своих достоинствах. А когда умолк, довольно шаркнул лапой по песку, разгладил усы и слегка подкрутил уголки бровей. Ещё бы, день, когда он столько раз слышал собственное имя – и неважно, что от себя же самого, – был счастливым. Он был очарован своим красноречием, так как за последние три-четыре тысячи лет ни разу не произнёс ни одного слова. Не с кем было. Он любил свои манеры и уважал себя, как всякий восточный владыка, за гостеприимство, которое оказал гостю. И какое счастье, когда тебя слушают и понимают, что ты самый-самый на всей земле.

КТО РОДИТЕЛИ ТВОИ, ПОВЕЛИТЕЛЬ?

Ахмет успокоился. Смело, с интересом рассматривал он теперь повелителя выжженной огнём солнца Великой пустыни. «Уродина! Чучело песчаное!» – подумал он, глядя на Властелина.

– Друг мой, ты ошибаешься. Мысли твои огорчают Величие и Достоинство Владыки и Повелителя Великой пустыни. Может быть, у тебя глаза слабые, или они не на том месте? Присмотрись, потрогай Моё Властелинство и поймешь, как я прекрасен!

Он поднял голову и, заложив за спину руки, прошёлся, показывая себя с разных сторон.

«Кто же породил это жуткое существо? Неужели его родители были такими же безобразными?» – продолжал размышлять Ахмет.

– Ой! Е-ей! Как ты насмешил меня! Как не прав ты! Мысли твои путаны и закручены, как след песчаной змеи.

Властелину стало так смешно, что он повалился, схватился за живот и захохотал, дрыгая лапами, будто кто-то щекотал его толстые пятки. А когда успокоился и сел, то несколько раз чихнул так сильно, что песок из него, как из дырявого сита, посыпался. Ахмет на всякий случай прикрыл руками лицо. Властелин, не теряя достоинства, сказал:

– Сила и власть во мне – от Солнца! Как видишь, Я – солнцеликий. Голову мою мудрую освещает сияние солнечной короны. Плоть моя из песчинок всех Великих и Малых пустынь мира! Дух и воля – от всех ветров, повелевающих Всемогушественными Небесами. И всё во мне лучшее – от величия и красоты песков. Я – их сила, страсть, гнев и милость, совесть и даже любовь. Я – гордый их Лик! Таков Я – Великий и Мудрый Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух!

Властелин направил огненный взор в знойное небо, в котором много дней подряд не было ни единого облака. Жадно и пристально смотрел он прямо на горящее светило. В глазах забилося пламя. Зрачки стали выкипать. Огонь солнца бушевал в глубоких, костяных глазницах.

Ахмет и не знал, что в это время Властелин набирался сил. Он заряжался энергией небесного огня. Руки его были расставлены, ладони обращены к небесам, колени согнуты, будто он собирался прыгнуть. Властелин походил на большую рыжую фалангу, которая выползла из норы погреться. Зарядившись, он опустил руки и в мгновение ока обратился в песчаный вихрь, который Ахмет видел в первый раз. Вихрь недолго потанцевал над барханом и так же внезапно исчез. Перед юношей уже снова стоял тот же самый Шах-Бардах. На свирепом лице усмешка. Он гладил бороду и усы.

– Это тоже подарок, – сказал он. – Ковыльный шёлк с барханов Аравийских пустынь. Теперь ты понял, почему я так красив?!

Не оставляя следов, он вновь обошёл юношу. Шагал он бесшумно и невесомо, как тень.

– Главное, я очень весёлый! Люблю веселиться. Ох, как люблю шутить. Таков у меня характер! Ты сегодня, друг мой, крепко меня насмешил. Ты кое-как шёл, а потом и пополз на мой Могучий Хан-Бархан. Это было так смешно. Когда ты из последних сил, теряя сознание, карабкался, а я тебе в лицо песком! Песком! В глаза! В уши! В глаза!.. Как это было весело! Ну и насмешил!

Властелин залился визгливым смехом:

– Хи-хи-ха-ха-а-а-а! Молодец, друг мой! Давно я так не смеялся. Сколько лет здесь никого не было. Заскучало Моё Властелинство. Теперь оно благодарит тебя, о путник!

Шах-Бардах подошёл к Ахмету и шепнул, как будто кто-то ещё мог услышать их в знойной, безлюдной пустыне:

– Ты давно понравился Моему Властелинству. Помню, был ты совсем маленьким, когда заблудился в трёх барханах. Ха-ха-ха-ааа!

Он упал на песок, дрыгая лапами:

– В трёх барханах! Ха-ха-ха-аа! Не смешно ли? В трёх...! Ой! Умру! Ну, как тебя не любить?! Маленький, а так насмешил, когда плакал. Хи-хи-хи-ииии!

Смех его внезапно оборвался. Поправив корону, он уселся на самую вершину бархана. Лицо было строгим, взгляд жёстким. Он стал страшен. Будто кто-то другой только что валялся и от души хохотал.

– Другого я погубил бы, – прошипел он, – тебя пожалел. Жалость мне не к лицу. В моих владениях это не принято. Изжарил бы в жёлтом песочке. Засыпал, похоронил бы живьём. Мумию сотворил бы! И на память сувенир оставил бы. Так с каждым поступаю, кто блудит в моём царстве. Заморочу, околдую, заблужу и в свою коллекцию вечных черепов поставлю. Тебя вот пожалел. Оставил. Сам не знаю почему. Значит, ты очень понравился Моему Властелинству.

Ахмет поднял усталые глаза и, напрягая силы, сказал:

– Я верю, что ты и есть тот самый Властелин, Великий Дух Великой пустыни. Я помню своё отчаяние и слёзы, когда заблудился около нашего аула. Правду, Владыка, говоришь. Но с тех самых пор я перестал бояться твоей пустыни. Видишь, пришёл к тебе снова. Я не боюсь тебя. Я не доставлю тебе радости: не уроню и слезинки, если буду умирать!

Да, я твой гость, – продолжал твёрдо батыр, – по древним обычаям земли нашей, народов Востока, ты, как хозяин Великой пустыни, должен помочь.

– Говори, друг мой. Чего хочешь? Я исполню всё! – гневно сказал Властелин.

Ахмет продолжал:

– Помоги моим людям. Они спаслись от воинственного племени. Теперь умирают от твоего солнца без воды и пищи. Прошу тебя, о Великий, во имя всех сил небесных, давших тебе власть и могущество, помоги им!

Властелин отвернулся. Он будто и не слышал, словно Ахмет не с ним говорил.

«Чем бы встряхнуть этого уroda?», – подумал Ахмет.

– Ты злой и жестокий! Бессердечный!

– Не надо сердиться, друг мой. Не горячись, здесь и так жарко, – весело сказал Властелин. – Гнев отнимает силы. А здесь, в Великой пустыне, он выпьет из тебя последние капли воды. А это значит – капли жизни. Ты же этого не хочешь? Тебе нужны силы. Побереги их. Они пригодятся. Ты видишь меня. Верь глазам своим и радуйся, что есть я и принимаю тебя как лучшего друга. Это Я – самый красивый! Самый мудрый! Самый справедливый!

Шах-Бардах уставился на Ахмета, глаза его пылали:

– До этого часа, за все миллионы лет, никто не видывал меня – Владыку Великой пустыни. Никто! Тебе, друг мой, выпало великое счастье.

Глаза Властелина горели уже холодным лунным светом:

– Сколько таких, как ты, здесь побывало. Великие небеса свидетели: я любил их, уважал, был милостив к несчастным. Но каждый, кто приходил, очень скоро выпускал последний вздох. Все они давно стали мумиями. И всё потому, что не принимали красоту и законы Великой пустыни. Жаль, но они очень быстро умирали.

Властелин встал, почесал живот:

– Да-а, я очень любил их. Но их беда в том, что все они, как один, были глупы. Все, как сговорились, одно и то же шептали в последние минуты: «Воды, воды!». Просили пить. Хотели только воды. Странные! Ни один не просил больше солнца. Тогда, может быть, я подарил бы им жизнь. Я сожалею, но они были очень глупы.

Глаза Властелина запылали огнём солнца. Зрачки вдруг исчезли. Скулы на его лице заострились. Лик стал вновь ужасным.

– Я, – говорил он, – как шутник великий, смеялся им в лицо, дразнил миражами, с озёрами, тенистыми садами. Глупые они были. Откуда здесь деревья? Все люди о себе думают хорошо, сами же глупы. Они больше доверяют глазам, чем разуму. Я заманивал их зелёными оазисами, озёрами, родниками... Они бежали, ползли к призрачным моим игрушкам, торопились навстречу гибели в моей Великой, ласковой пустыне. Так много тогда я смеялся. Это были счастливые дни в моей стране. Видишь, друг мой, какой я большой шутник. Весельчак!

– Ты – душегуб! Жестокий обманщик! Отбираешь жизнь у невинных людей! – гневно возразил Ахмет.

– Ты опять ошибаешься, друг мой! Я милостивый! Это солнце расплавilo их глупые мозги. А потом уж и ветры выпили их глаза. Я так старался, развлекал их. Очень весело было. Хи-хи-хи, ха-ха-ха!

СУХИЕ МОРЯ – СТИХИЯ МОЯ

Долго Ахмет слушал страшные рассказы, бессердечные речи, хвастовство хозяина Великой пустыни.

– Если ты, Владыка, великий и могущественный, почему никто не видел тебя? Боишься людей?

– О! Друг мой! Я есть великая тайна!

Шах-Бардах поднял палец и злобно сверкнул глазами:

– Тысяче-е-е-летиями, векаа-ами, я один-одинё-ё-ёшенек! Всегда-а один. Каждый видел меня, когда душа его была на излёте в мир иной. Я уже говорил, что могу ползти букашкой, кружиться орлом в глубине небес, ящерицей смотреть из норки... Пожелаю – звездой встану над Великой пустыней! Могу прилипнуть песчинкой к копыту мула или стану волоском в бороде караванщика. Ты теперь понял, почему никто никогда не видел меня? А те, кто и знал, все крепко хранят эту тайну.

Властелин захохотал, почёсывая отвисшее брюхо:

– Мумии говорить не умеют.

Он снова долго смеялся, радуясь шутке:

– Я только им доверяю. Они умеют слушать, но не говорить. Я, как ты заметил, красноречив и находчив. Рассказы мои – поэзия Востока.

Хозяин пустыни и безмолвия заложил за спину руки, прошёлся, гордо сказал:

– Это Золотой Храм земли – Великая пустыня! Ничто не сравнится с ней! Белые кости на золотом покрывале – что может быть прекраснее? Богатство костяного ожерелья отражает власть и могущество его хозяина. Черепа украшают лик пустыни. Они хороши, как звёзды ночного неба. Каждый из них при луне улыбается, светится, как орская жемчужина. На него, – Шах-Бардах показал на ближний череп, с глубокими провалами глазниц, – днями и ночами люблюсь, когда мне одиноко.

Властелин продолжал:

– Время здесь не торопит. Оно стоит у колыбели вечного: за тобой, рядом, дышит тебе в лицо. Лишь стоит мне этого захотеть.

– Тоска и ужасы с тобой рядом, – прохрипел Ахмет, с отвращением глядя на усыпанные костями пески.

Властелин не ожидал таких дерзких слов. Он даже подпрыгнул. У него очень зачесался нос. Он несколько раз подряд чихнул, разбрызгивая песок.

– Очень не прав ты, друг мой! Сын человеческий, ты слеп и бессердечен, как и все люди, – голос Властелина был сердитым. – Каждый бархан Великой пустыни – живой! Я разговариваю с ними. Они резвы и подвижны во время бури. Поют шакалами, звенят цикадами. Они появляются, растут и исчезают, только дай им ветра и бури. Барханы приходят туда, где их не ждут. Они покоряют города

и осушают реки. Перед ними отступают моря. Они, как верблюжата ласковые, порой обращаются в зверей. У них мой характер! Они покоряли цивилизации, обрекая народы на голод и жажду, на гибель.

Властелин встал на вершину:

– Барханы могут обратить весь мир в пустыню! Они есть волны жёлтых морей.

Властелин ходил и говорил:

– В жёлтых просторах, как в солёных морях, тонут и гибнут караваны путешественников и купцов, воинов и простых людей. Характер у них мой!

Обхватив живот, он вдруг принялся хохотать.

Ахмет устало зачерпнул песок. С тонким шелестом песчинки проливались между иссушенными и почерневшими пальцами. Звон песчинок наводил на тоскливые мысли. Батыр огляделся: на сколько хватало глаз, раскинулась унылая желтизна пустыни. Ни кустика, ни травинки – лишь белые черепа да кости.

– Жёлтые моря моих пустынь, – продолжал Шах-Бардах, – хоронят навечно дворцы и хаусы, кудуки и арыки, караванные тропы и оазисы. Не зря люди боятся их пуще огня. Кто-то должен кого-то бояться, иначе в мире не станет порядка. Если есть порядок, тогда наслаждайся могуществом и величием. На моей земле Солнечного огня – свой порядок.

Властелин подошёл к Ахмету:

– Послушай, друг мой, прислонись к бархану, и ты услышишь – он поёт. Люди не хотят, кроме себя, никого слышать, словно оглохли все. Богатство и власть – вот их главные ценности. Они никогда не слышали великой симфонии песков, музыки ветра и солнца. В Великой моей пустыне столько песчинок, сколько звёзд в Космосе, и каждая из них сверкает и звенит под своей звездой.

Шах-Бардах сверлил путника глазами. Он сердился. И сейчас всё, что он думал о людях, он сказал – Ахмету.

– В моей пустыне песка – как в море воды, от горизонта до горизонта. Это и есть Великая Пустыня Азии. Есть ещё Африканские, Американские, Австралийские и много ещё. Но ближе всех мне пустыня у древнейшего на земле Озера звенящих колоколов – Зайсан. Веками друг перед другом в красе и могуществе стоят в тех краях горы Алтая и Тарбагатая, а между ними святое место – золотые пески. Эта земля находится прямо в сердце Великой Азии. Я там родился. И теперь только Я – сын этой земли, прославлю её на весь мир! Это Я – Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух!

– Владыка, – сказал Ахмет, – земля твоя бесплодна. Не для жизни она. И ты её господин. Достоинства её тобой же придуманы. Никто тебя не поймёт. Могуществу твоему не позавидуют. Тайны твоих барханов тоже не интересны. В стране твоей пусто и скучно. Ничьё не бьётся здесь сердце, значит, и нет Любви. И ты, Владыка, не нужен. Никому! Всем ты чужой. Барханы твои – так, всего лишь горбатые пески. Мёртвые они, что бы ты ни говорил.

Ахмет с большим трудом произнес это. Горло пересохло. Глаза Властелина сверкали огнём и гневом. Он вскинул руки.

– О, Великие Небеса! – прокричал он. – О, вечное Солнце и ласковый Зной! Дерзкий сын человеческий произнёс глупые слова. У него холодное сердце. Дайте мне силы простить его. Либо я его засушу! Язык его вдруг ослушался разума. О, как не прав ты, отрок чужеземный! – испепеляющий взор его про-

жигал Ахмета. – Помни и знай: земля без жёлтых морей обеднеет. И Я – Шах-Бардах – защитник их и страж! – он подпёр руками толстое брюхо. – В Великой пустыне несметные богатства прошлого и будущего. Тысячи караванов с золотом и серебром, алмазами и жемчугом, пряностями и шелками покоятся под покрывалом моих песков. Многих ещё поджидает здесь бесславная гибель. Я повеселюсь ещё. Докажу всему миру, кто такой Я – Великий из Великих, Мудрый из Мудрейших! Тебя же, друг мой, прощаю, – обратился он к Ахмету. – Сам выбрал тебя. И по законам земли нашей, сделаю всё, чтобы тебе у меня понравилось. Шах-Бардах постарается, друг мой! Он покажет великие чудеса Великой пустыни.

ЧУДО ПЕРВОЕ, ВЕЛИКОЕ

Много чего наговорил Властелин о себе и Великой пустыне. Слушал его Ахмет и всё больше думал о людях аула: «Живы ли они?». Обидно было за них, за себя. Они ждут, верят, что он спасёт. В отчаянии он встал на колени перед Владыкой:

– О, Великий из Великих! Могучий Властелин жёлтых морей. Не нужны мне твои чудеса. За людей моих прошу – за стариков, женщин. Там маленькие дети! Возьми мою жизнь, спаси их. Они умирают от голода и жажды.

– Встань и успокойся, друг мой! – равнодушно сказал он. – Люди не стоят того, чтобы просить за них. Одним аулом меньше – больше, ничего не изменится. Стариков много, и ещё больше женщин. А кто такие дети? Не знаю. Всех не надо жалеть. Люди скоро забывают добро. Это нужно помнить каждому. Сейчас мы с тобой на славных моих просторах будем веселиться: созерцать золото песков, слушать музыку ветра и наслаждаться щедростью солнца...

Ахмет уронил на грудь голову. Он закусил губы. Властелин, хихикая, гладил живот. Сквозь тонкие пальцы пропустил бороду и усы, подкрутил брови. В глазницах его костяного лица плясало пламя безумства:

– Всё успеем, мой лучший друг! Моё Властелинство развеселит, рассмешит тебя. Веселиться будем! У нас сегодня праздник. Увидишь главные чудеса Великой пустыни. Их, как полагается, ровно семь – одно лучше другого.

Ахмет снова стал просить о спасении людей, но Шах-Бардах и слушать не хотел. Медленно он поднял скрюченный палец и упёрся глазами в слепящее солнце. Огонь в глазницах его заклокотал. Чёрно-угольные зрачки стремительно выкипали. Пламя уже рвалось из глазниц.

Ахмет облизал пересохшие губы. В горле было совсем сухо.

– Итак, друг мой, Чудо Первое – Великое! – провизжал Шах-Бардах.

Он запрокинул голову:

– О, ветры могучие! – прокричал он. – Я, Шах-Бардах, обращаюсь к Вам! Я – Сильный из Сильнейших, Мудрый из Мудрейших! Дайте силу и мощь крыльям вашим! И пребудет в Великую пустыню всеудушающий Самум!

Властелин взмахнул руками:

– Самууум! Самууум! Самууум!

– ...ум! ...уум! ...уууум! – грозно подхватили небеса.

Даль стала чёрной. Воздух раскалился, дышать стало трудно. Поднялся горячий ветер. Ахмет знал, как страшен ветер пустыни – самум. Он набросил на

голову свой чапан и уткнулся в песок. Ветер набирал силу. Небо загудело. Острые песчинки секли руки и терзали одежду. Песок засыпал Ахмета с головой. Он стряхивал его с чапана и снова вжимался в бархан. Пустыня стонала и рыдала под натиском стихии. Гибнет в это время всё живое. Засыпает песком кудуки и оазисы. Над барханами гуляет сама смерть.

«Они же погибнут!» – переживал о людях своего аула Ахмет и, преодолевая усталость, встал он и закричал:

– Безжалостный урод! Бездушный бурдюк с песком! Останови бурю, проклятый Владыка ада и повелитель бесов – Акермана!

Но шум ветра был таким сильным, что Ахмет не расслышал собственного голоса. Обессиленный, он горько зарыдал.

Властелин с восторгом наблюдал разгул смертоносной стихии. Он хохотал и визжал пуще прежнего, хлопая в ладоши.

До Ахмета донеслись слова: «Вижу, о, друг мой, ты, как и я, доволен! Слушай! Слушай музыку ветра и песка! Кто боится самума, как смерти, – глупые дураки! Я люблю, когда песок выбивает глаза путникам! Это, друг мой, Праздник. Самум – одно из чудес моих!»

И надо было видеть, как ликовал Властелин. Надо было слышать, какие говорил он слова, когда слышал проклятия и стоны погибающих.

ЧУДО ВТОРОЕ – ВЕЛИКОЕ

Наконец, стихия улеглась. Утомившись от веселья, Шах-Бардах присел, положив на колени руки. Взгляд его был спокойным. Погасли безумство и жестокость в глазах, залитых теперь холодным лунным светом. Зрочки стояли восклицательными знаками.

– Тебе, о, друг мой, весело было наблюдать мой Самум? Зачем в это время гибнут звери и птицы? Не понимаю, – говорил он тихо и ровно, словно заводная безобидная игрушка. – Они живые ещё, а я их засыпаю с головой. Потом храню долгие времена. Теперь ты и сам увидел, как я люблю веселиться.

Не успел Ахмет высказать своё возмущение и проклятия жестокому Властелину, как он встал.

– Друг мой, я покажу тебе моё Чудо Великое – Второе! Ибо показываю чудеса эти только ради тебя! – Шах-Бардах поднял палец и впился глазами в горящее солнце. Губы его шевелились – он творил заклинания. В глазницах забились пламя. Безумство и желчь разлились по окостенелому лицу. – О, Великие небеса! – заверещал он картаво. – Обращается к вам Великий из Величайших, Сильный из Сильнейших Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух – Сын Небесного огня и Знойного ветра! Дайте барханам силу воды и коварство смерти. Пусть они оживут, станут зыбкими, как морская волна.

Он вскинул к небесам руки:

– О! Зыбуун! Зыбы-буун!

Ахмет увидел, как легко, порхающим птицам подобно, с бархана на бархан перелетали стройные газели – красивейшие животные пустыни. Казалось, ещё прыжок – и они исчезнут за горизонтом. Но внезапно они увязли в песке. В страхе стали биться. И чем сильнее бились, тем быстрее погружались, словно тонули в болоте. Газели били копытами, хрипели. Глаза их были полны ужаса. Судно-

рожно они захватывали спасительный воздух, жалобными голосами зывали о помощи.

Тем временем Шах-Бардах всплескивал руками, подпрыгивал и визгливо хохотал. От удовольствия он хлопал в ладоши, почесывал живот.

– Что ты делаешь? Они же погибнут! – сжав кулаки, кричал Ахмет. – Сейчас же отпусти их!

Он хотел встать, подойти к бездушному Властелину, но сил у него уже не было. И тогда от гнева и обиды стал кулаками колотить по бархану:

– Вот твоему бархану, на котором ты сидишь, как пугало!

– О, друг мой, зачем так шибко сердиться? Ты отрок человеческий. У тебя нет вечности впереди. Не сторай от гнева.

Властелин медленно поднял палец, и колдовство его тотчас потеряло силу: газели легко выскочили из трясины и помчались дальше.

Шах-Бардах был огорчён, что отпустил животных из ловушки. В глазницах медленно угасало пламя.

– Моему Властелинству непонятно, почему тебе, о, друг мой, их жалко? Так много их в моей Великой пустыне. Не нужно жалеть их. Я хотел, чтобы нам было весело. Но у тебя мягкое сердце. От того и умирают так рано люди. Жестоким проще, им легче живётся в этом мире. Ты посмотри на меня: прошли тысячи лет, а я как был в юности красавец, так и остался таким, – Шах-Бардах гордо выпятил живот и очень важно прошагал. Гордился он собой и очень любил себя.

– Я показал тебе Чудо Второе, когда пески разжижаются и становятся, как вода. Каждый, кто попадает в них, тонет, как в сухом, жёлтом болоте. Не смешно ли? В жёлтом, да ещё сухом! Такие пески и есть зыбуны. А они, как голодные звери, – проглотят кого угодно – жука, верблюда, шаха персидского или султана турецкого, хана хивинского. Проглотят, да ещё как! Ха-ха-ха – хана! Хи-хи-хи-хи-и – султана.

Зыбуны – мои ловушки. Расставляю их на зверей и людей, где проходят караваны, где звериные тропы, у водопоев и оазисов. Зыбуны – азартная охота. Я – главный охотник. Любая жертва приносит мне много радости. Месяцами пауком томлюсь в ожидании жертвы. А ты жалеешь их. Первый раз ошибку сделал – тебя послушался, так как сегодня ты гость мой. Потому Чудо Великое, Второе, не состоялось. Мне за себя стыдно.

– Напрасно огорчаешься, Владыка, – прошептал Ахмет. – Чудо твоё видел. А ещё узнал, что барханы, ветры и вся Великая пустыня слушаются тебя. И ты, оказывается, умеешь быть добрым.

– О да, друг мой, – перебил его Властелин. – Я очень добрый, славный. Для тебя сделаю всё, что захочешь. Говори, слушаю тебя, о, друг мой.

И тогда Ахмет опять к нему с просьбой:

– Спаси моих людей. Там дети! Они погибнут! Тогда и мне не жить. Пошли им дождя. Дай воды и хлеба. Приведи к оазису.

– О, друг мой! Ты мудрый становишься. Сам попросил дождя. И я сейчас же пошлю его на золотую ниву моих песков. Они не видели его многие лета.

Шах-Бардах был весел и счастлив. От радости он потирал руки. Сейчас он обрадует своего гостя дождём, которого тот просит.

– Сам ты, о, друг мой, просил Чудо Великое – Третье. Оно у меня засекречено под названием «Дождь!». Хорошая мысль: «Дождь в Великой пустыне!»

ЧУДО ТРЕТЬЕ, ТОЖЕ ВЕЛИКОЕ

Властелин встал на вершине бархана. Он тряс бородой, чесал живот и весело потирал руки.

– Друг мой, ты просил дождя. Капля воды здесь – великая редкость. На вес жемчуга. Для тебя ничего не жаль. Прелестная картина – дождь в пустыне! Сказка, когда вода падает с неба. Дождь будет! Желание моего гостя – для меня закон!

Властелин тотчас повернулся к солнцу, поднял палец, сильнее затряс бородой. Огонь вспыхнул в его глазницах, и вскоре пламя вырвалось наружу.

– О Вечные Небеса! – нараспев, картаво заговорил он, – дарующие огонь Солнца Великому из Величайших, Мудрому из Мудрейших, пошлите тучи чернее ночи, несущие гром и молнии, на Великую пустыню. Пошли грозу и дай Дождя – Чудо моё Великое, Третье!

Лицо Властелина всё ярче выражало безумие фанатизма. Сердце Ахмета сжималось. Он ждал от Владыки недоброго. «С таким выражением добрыми не бывают», – думал он.

Пламя уже рвалось из глубоких глазниц. Небо изменилось, чувствовалось, что надвигается новая стихия.

«Дождь – это уже спасение», – понадеялся Ахмет.

– Дождь! Дoooждь! – зашипел Шах-Бардах и поднял палец. – Всем нужен Дождь. Все получают его.

И он вдруг расхохотался:

– До-ождя, Дождя! Хи-хи-хи-иии, ха-ха-хаа!

Духота повисла в воздухе. Набежали тёмные хвостатые тучи. Польшнула молния. Раскаты грома прокатились над пустыней. И, о радость! Хлынул дождь. Ахмет облизал потрескавшиеся губы и обратил лицо и ладони к небу. Но странно – дождь шёл, но ни одной капли не упало в его ладони. По-прежнему сухо и душно. Дождь продолжался. Ахмет ждал, но ни росинки не упало с неба. Сверкали молнии, и громыхало небо.

Так и стоял и держал ладони Ахмет, но всё напрасно. Тем временем Шах-Бардах, притомившись, уронил голову на живот и беспечно дремал.

Отчаявшийся батыр схватил горсть песка и швырнул его в хозяина пустыни. Знал он, что этот жестокий повелитель не простит ему это. Он погубит его, как всякого, кто не угоден.

– Что это – дождь? На меня?! Быть такого не может!

Но, увидев, что швырнул гость, улыбнулся: «Швыряй, мол, мне даже приятно. Песок я люблю».

Летающие дождевики, не долетев до бархана, взрывались и выкипали в раскалённом воздухе, словно падали на раскалённую сковороду. Воздух от испарений помутнел. Но ни капли не упало на бархан. Шёл так называемый «сухой дождь», какие бывают только в знойных пустынях. Это было Третье Великое Чудо в Великой пустыне. Ахмет, обманутый в последних надеждах, медленно опустился на песок.

– Знаю, – хохотал Шах-Бардах, – у всех пересохли глотки, свело ладони от зноя и жажды... Разве не смешно? Какова прекрасная шутка Моего Властелинства?

Он снова визгливо смеялся и картаво приговаривал:

– Все задыхаются от зноя – травы, звери, птицы. Ропщут и проклинают пустыню караванщики. Они тоже ждут-не дождутся. И не дождутся дождя. Глупые же все, кроме меня. Разве они позабыли, что в моей пустыне «камни кричат». Они лопаются, раскалившись под солнцем, и стреляют. Они взрываются. Не выдерживают. Где такое может быть? Нигде! Только в моих владениях!

Ахмет сидел молча, подавленный.

Были гроза и гром, и шёл дождь, но ни капли не упало на пустыню. Дождинки испарялись в воздухе. Так и ушли тучи, не уронив ни одной «жемчужины» на раскалённый бархан.

ЧУДО ЧЕТВЁРТОЕ, ТОЖЕ ВЕЛИКОЕ

Убитый горем, бессилием, юный батыр лёг на песок и закрылся руками. Мысли были горькими, чувства оскорблёнными. Мог ли подумать он, что вот так, на голом бархане, с Властелином Великой пустыни, он будет столь оскорблён, почти осмеян. Он – первый на джигитовках, он, который ударом кулака сваливал годовалого быка, и не было равных ему в байге. Больше всего огорчало то, что там, в ауле, ждут и надеются на него. «Живы ли они?» Он решил встать и пойти сейчас же...

– Друг мой, – перебил горькие его мысли Шах-Бардах, – мне показалось, ты взгрустнул. Тебе скучно со мной? Хочешь, покажу ещё Чудо – Четвёртое? Тоже Великое. В чуде много музыки. Сам увидишь праздничный танец песков с гибкостью змеи в одеждах ночи. Танцевать будут песчаные джинны.

Властелин тут же поднялся на макушку жёлтого бархана. Ахмет ожидал, что он встанет, вскинет руки, вздёрнет свой тощий палец и завизжит, творя заклинания. Но Шах-Бардах сначала сел, раскинул острые колени, обратил в небо каменное лицо и медленно поднял палец. Тотчас в глазницах его заплясал огонь:

– Небеса Великие! Ветры шальные! Покажите свой характер, пошлите на Землю Солнечного огня – Смерч! Нет, два смерча, три, семь! Семь смерчей, семь духов, семь джиннов моей пустыни. Я жду песни песков, музыки Ветра и Солнца! Смерч! Смес-ерч! Всееем!

Шах-Бардах внезапно обратился в вихрь и со страшной силой поднялся и закружился над барханом. Стремительно он вырос в громадный столб. И в одно мгновение Шах-Бардах оказался на своём бархане, а столб песка стал могучим джинном в жёлтой чалме и длинном разноцветном халате. Он легко кружился и изгибался, исполняя танец змеи. Джинн бил в бубен, швырял во все стороны тучи песка. Из глаз его летели молнии.

Ещё и ещё. И уже семь песчаных джиннов упирались головой в небеса. Они исполняли какие-то жуткие танцы над потемневшими барханами. Джинны кружили громадными тёмными тенями. Песок столбами поднимался в небо, влекомый неведомой силой. И враз тучи его, обрушиваясь, всё засыпали. Дышать было нечем. Небо гудело от стонов бубнов, печальных звуков арф и зурны, грома барабанов и откровенного плача скрипок. Происходило что-то ужасное. Казалось, не выдержит всего ужаса и разорвётся сердце юного батыра. Его засыпало с головой. Гудела и гремела диким оркестром ошалелая даль. Небо было совсем чёрным. Время от времени среди шума и грома слышались вопли Властелина, его радостный визг и хулиганский свист. Сунув пальцы в рот, он отчаянно свистел

и лихо притопывал лапой. Сколько времени всё это творилось, трудно сказать. Ахмету показалось – целую вечность.

Ветер внезапно утих, но песок долго ещё сыпался сверху. Ахмет выбил песок из чапана, вытряхнул из складок чалмы. Над головой встало ослепительно белое солнце, как и до разгула стихии. Только в ушах юноши долго ещё слышался звон песка, грохот барабанов и плач скрипок...

– Вижу, о, друг мой, ты приятно удивлён и доволен, – Властелин хищно улыбнулся. – Теперь ты сам познал силу моей страсти, гибкость моих мыслей и вкус моих желаний.

Ахмет молчал. Ему не хотелось разговаривать с Духом, считавшим себя и добрым, и мудрым...

Шах-Бардах замышлял уже следующее Чудо. Он ходил по бархану, считал что-то, загибая пальцы: «Три или четыре? Четыре или три?..»

Ахмет понял, что Властелин сбился со счёта – Третье или Четвёртое Чудо он показал?

– Это было четвёртое издевательство над каждым, кто живёт в твоей пустыне, а не Чудо.

– Ты прав, о, друг мой. Это было – Четвёртое. Я редко даю волю смерчам. А тут сразу всех семерых выпустил.

– Владыка, – перебил его Ахмет, – я ухожу. Не желаю больше видеть твоей жестокости. Не хочу знать и говорить с тобой. Прощай!

– Что ж, – злобно сверкнув глазами, сказал Властелин. – Сможешь? Иди!

Ахмет хотел подняться, но не смог. Ноги не слушались.

– Видишь, ноги твои не подвластны твоим желаниям. Значит, тебе у меня нравится. Потому мы не будем расставаться. У меня есть всё – сила и власть. Я здесь главный. А ты не хозяин даже себе. Здесь все повинуются мне. Если ты силён, то и враг к тебе с уважением. Поэтому каждый владыка должен иметь несгибаемый характер и держать всех в страхе. Очень приятно, когда те, кто ненавидит тебя, делают вид, что любят. Для того и служат у меня семь братьев-джиннов, сила и воля моя.

Властелин сел около Ахмета, поднёв подбородок рукой и, глядя ему в глаза, сказал:

– Каждый раз, когда призываю смерч, вижу, как всё живое спешит укрыться. В подземелье исчезают ящерицы и змеи. Закапываются жуки и пауки. Торопятся в оазисы пастухи. Если караван оказался в сердце пустыни, караванщики поспешно укладывают своих верблюдов и прячутся за ними, чтобы не выбило песком глаза. Чтобы с головой не засыпало. Как это прекрасно! И тогда пустыня мне слаще халвы. Становлюсь очень добрым, даже слабым. Слабею. Готов даже плакать. Слёз у меня нет. Тогда просыпается и стучит сердце, но жаль, и сердца у меня нет.

Властелин помолчал и продолжил:

– Друг мой, о, если б ты знал обо мне больше, не сердился бы. Я чувственный – люблю музыку Ветра, гибкость танцующих джиннов. Я умираю, когда звучит симфония Великой пустыни – музыка Солнца и Ветра. Звук флейты – голос моей души; зурны – тоска и печаль; барабаны, бубны, барабаны... Слушаю и умираю... Но я вечный. Когда танцуют песчаные джинны – музыка Смерти здесь, рядом.

Таково, друг мой, Великое Чудо – Четвёртое.

ЖУТКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Ахмет вытряс из складок чапана и чалмы песок. Высыпал его из старых, разбитых башмаков. Огляделся. Пустыня стала неузнаваема: появились свежие барханы. Там, где они возвышались прежде, образовались впадины. Юноша обратил внимание – до самого горизонта белеют кости. Трудно и представить было, что так много в пустыне скелетов, черепов и прочих останков людей и животных.

Шах-Бардах заметил тревогу в глазах своего гостя.

– Тебе не нравятся мои сокровища, друг мой? У каждого, кто видел это богатство, – показал он на рассыпанные кости, – возгоралась зависть. В твоих глазах я не увидел этого. За века, – пояснял он, – скопилась у меня лучшая коллекция на земле. В Великой пустыне всё сохраняется на долгие времена, – он рассмеялся сухим ртом.

Ахмету не хотелось смотреть на жуткое кладбище, где всюду только кости.

– Я рад, что ты сам обратил внимание на мои сокровища. Хочешь, поведаю тебе о тех, кто был хозяином этих белеющих черепов? Они веками спят у ног великого Хана-Эль-Бархана – моего дома, на котором мы ведём беседу. Когда рассказываю о них, – показал он на кости, – то заново переживаю восторг и радость дней, когда они были живые. Да-а, они очень боялись смерти. Каждый, как мог, цеплялся за жизнь. Это надо было видеть. Я был счастлив!

Продолжая рассказ о жутких историях, Властелин показал на цепь черепов, окружающих Хан-Эль-Бархан. Глазницы их были повернуты к бархану. И Шах-Бардах видел их, когда выходил на бархан.

– Это – уважаемые Моим Властелинством господа. «Драгоценное ожерелье золотой страны песков!» Это всё мои друзья. С ними беседую, когда вдруг становится скучно. Все хорошо воспитаны: умеют слушать, внимательны. Люблю поговорить... А вот ещё, – он показал на черепа, среди которых горячей медью светился боевой барабан, – теперь это моя личная гвардия певцов и музыкантов!

Ахмет не без содрогания смотрел на Шах-Бардаха. Словно находился он не в Великой пустыне, а в мрачном подземелье Аида.

– Захочу развлечься, призываю ветры, тогда каждый на свой мотив насвистывает или напеваает. Они поют, когда ветер проходит через их щелеватые рты, – пояснил Властелин, – когда вертится он в ушных лабиринтах, в глазницах. Это лучшая музыка Великой пустыни. Есть певцы, значит должна быть и музыка.

Шах-Бардах подошёл к другому ряду таких же белых, торчащих из песка черепов:

– Я их частично присыпаю: одна горсть песка в черепе – басом поёт, две – баритоном, а где семь – тенором или фальцетом.

Он был сам маэстро на этой жуткой сцене. Певцы и музыканты «старались» так, что у Ахмета зашевелились волосы. И тогда он решил бежать куда глаза глядят. Только бы не видеть этого ужаса. Но Шах-Бардах остановил его:

– Успокойся. Они играют только по моему заказу.

Он подошёл к большому медному барабану и с силой ударил. Грозный и глуховатый стон поплыл над пустыней.

– Видишь, как я весело живу. Ха-ха-ха, хи-хи-хи-ха! Когда играют мои музыканты и поют мои певцы, люди на глазах седеют или сходят с ума. Так было со многими. Теперь они, – он показал на черепа, – с удовольствием исполняют вместе со мной эти мелодии. Они теперь мои друзья. Не так уж я и одинок.

Снова Дух пустыни стал вихрем. И в следующее мгновение оказался на вершине своего Хан-Эль-Бархана.

– Давай присядем, друг мой.

Сели.

– Этот, с разинутым ртом, испустил дух потому, что не перенёс «сухого дождя». Этого, как жука, убило солнце. А вот этот – паникёр большой был. Долго жить приказал во время самума. Эти двое решили остаться здесь навсегда во время смерча. Мне их очень жаль.

ГОРДОСТЬ ВЛАСТЕЛИНА

Шах-Бардах разгладил усы, поправил корону и стал дальше рассказывать Ахмету о своей коллекции.

– Вот, посмотри, – и он показал на белый, словно мраморный, череп, на лбу которого сияла корона, украшенная драгоценными камнями. – Воспоминания мои об этой истории самые лучшие. Друг мой, представляю тебе царицу дивной страны, раскинувшей от берегов Тигра до Евфрата. Давно нет того царства, забвению предан народ, населявший его ещё до начала появления пирамид. Царица Древней Персии! Гордость Великой пустыни. Теперь и сам не знаю, как так случилось за многие тысячелетия, что блистательная царица оказалась в моих владениях. Красавица – глаз не отвести! – Властелин погладил череп. – Вот, друг мой, как я богат, – он выпятил живот, подправил усы и бороду. – А эти вот, – показал он сотни других черепов, словно рассыпанных вокруг «персидской царицы», – её воины были. Молодые, сильные, красивые и очень самоуверенные, и потому глупые. Все были в доспехах. Они и сейчас в боевых шлемах. Но вместо жидких мозгов в головах их теперь золотой песок, – Властелин склонился над короной и продолжал: – Её воинство двигалось в могучее ханство, расположенное тогда севернее Великой пустыни. Там ожидал её молодой, непобедимый хан, повелитель многих народов. Но сердце повелителя оказалось в плену её красоты. И я послал на её воинство Самум. Закрыв облаками небо, чтобы не видели звёзд, и воинство сбилось с пути. А потом помогла Фата Моргана с её сказочными миражами. Они сами приползли к моему Хан-Эль-Бархану. С тех пор юная царица принадлежит мне. Только я один люблю её красотой. А воины её по-прежнему служат ей верой и правдой. Вот они все. Какие славные ребята!

Боль и тоска непреодолимой тяжестью легли на сердце Ахмета. На юношу пустыми глазами смотрела «царица», засыпанная наполовину песком. Там, где жили глаза красавицы, где сияло когда-то счастье, крепко поселилась тёмная пустота вечности. Этой пустотой юная царица веками смотрит на голый, высокий Хан-Эль-Бархан.

С великой ненавистью глянул Ахмет на жестокого Властелина. В холодных глазах его отражались рассыпанные по пустыне бесчисленные белеющие кости.

– Вот они, могущественные, отважные. Не смешно ли? Ха-ха-ха, хи-хи-хи-хи!

Тут же были и отряды других, полёгших некогда, воинов неизвестных народов. Кроме костей из песка выглядывали ятаганы, сабли, кремневые ружья, копья, секиры, топоры, шлемы и золотистые пояса. Вперемежку с костями ко-

ней и каких-то неизвестных воинов или купцов лежали кожаные щиты, сёдла, кувшины, фигурки духов, зверей, отлитых из бронзы и меди, серебра и золота, выточенных из слоновой кости, слепленных из глины и вытесанных из дерева и серого камня.

Взгляд Ахмета привлекла шахматная доска, украшенная слоновой костью. Из кости были выточены чёрные и белые шахматные фигурки и аккуратно расставлены для игры. Около доски белым шаром из песка выглядывал крупный череп. Ахмет вопросительно глянул на Властелина.

– О, это был отважный путешественник-одиночка. Он же великий шахматист всех времён. Видишь, большая и светлая голова у него.

Шах-Бардах склонился над доской, обдумывая ход:

– Может, сыграем? Я, чур, чёрными.

Ахмет смекнул, что не следует играть с Духом. Он представил, как около шахматной доски лежит в песке его собственный череп.

– Нет, Владыка, не умею и не знаю, как можно играть костяшками на маленькой площадке с тёмными и белыми квадратами.

– Жаль, сейчас поиграли бы с тобой, друг мой, нам спешить некуда.

– Расскажи лучше об этом несчастном шахматисте.

– Да, да, друг мой. Так вот, очень я полюбил его и оставил у себя. Правда, обещал отпустить, но почему-то передумал. Не хотел, чтобы кто-то полюбил его так же, как я. Ехал он туда, где восходит солнце, чтобы сразиться с великими шахматистами Индии и Аравии. Слава о нём шла впереди него. Об этом узнал и я. Поэтому заблудил его и привёл к своему бархану. Он научил меня играть в шахматы. Тогда и был уговор: если он обыграет – отпускаю, если нет – оставляю. Долго мы играли. Дважды возрождался и старел на небе месяц. А мы всё играли. Он торопился. Мы играли даже ночью.

– И что было дальше? – спросил Ахмет. – Он проиграл?

– Нет, друг мой, он выиграл.

– Так почему ты оставил его здесь?

– Потому что Моё Властелинство сильно рассердилось. Я посоветовался со своим Мудрейшеством, и мы решили – оставить его себе. Жизнь человека быстро кончается, а здесь он навсегда будет перед своими шахматами, которые он очень любил. Полюбил шахматы и я. Прихожу иногда, и мы с ним играем. Но теперь выигрываю я. Видишь, друг мой, как поступки мои мудры.

Властелин почесал живот, несколько раз чихнул:

– Правда, значит. Никогда не вру, не обманываю, поэтому и чихнул, что правда.

– Но ты же, Владыка, обещал отпустить его, а сам обманул.

– Нет, не обманул. Я же сказал тебе, что он обыграл, а то, что не отпустил, так поступил мудро. И тоже говорю правду. Теперь, друг мой, я ещё должен показать тебе моих лучших друзей, – Властелин по кругу обходил Хан-Эль-Бархан, и Ахмет покорно следовал за ним. – А это, друг мой, тоже друзья мои. Это всё караванщики, купцы, торговцы рабами, охотники и пастухи. У каждого своя судьба. Теперь все они – мои друзья. Каждому я придумал имя. Иначе как беседовать? Они внимательны и почтительны. Никто из них не боится солнца Великой пустыни. Каждый смело смотрит на огненное светило, не страшась могущественного сияния.

– Странно, – возразил Ахмет. – Как ты с ними говоришь? Они все молчат, как камни. Безжизненные!

– Ошибаешься, друг мой. Друзья друг друга без слов понимают. Если хочешь стать мне другом, будешь и ты меня понимать и, как они, любить. Также будешь с ними разделять одиночество вечности моей.

– Владыка, тебе хорошо со мной, с живым?

– О, да! Впервые в невинной жизни моей, хорошо с живым.

Властелин шёл по песку, не оставляя следов. Тени тоже не было. Ахмет понял, что это действительно дух – бесплотный, прозрачный и лёгкий, как воздух.

– Я не люблю говорливых, говорю сам. С них, – показал он на кости, – сдуваю песок, чтобы лицезрели Моё Властелинство. Они довольны, что видят красоту Великой пустыни, которую хотели покорить. Ха-ха-ха!

– Что тебе смешно, Владыка?

– Я вспомнил их, друг мой, – показал он на черепа, – как они дорожили своей жалкой жизнью. Просили Всемогущественные небеса, молили о пощаде. Но хозяин здесь Я – Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух! Не того просили. Это было смешно.

Властелин снова щёлкнул челюстью. В глазах его уже металось пламя и выкипали зрачки. Скулы заострились. Он походил на большую хищную птицу, присевшую у падали.

– Теперь ты понял, какой я гостеприимный? У меня много места. Каждому найдётся.

Они поднялись на высокий жёлтый бархан.

– Что скажет Моему Властелинству друг мой? Понравилась ли коллекция?

Ахмет в гневе сказал:

– Ты самый жестокий и безжалостный из всех, кто есть на земле. Дьявол и Тиран!

– Мне нравится смелость твоя, юный друг. Но ты с огнём шутишь. Какая дерзость! Но ты молодец! А ещё нравится слово твоё, незнакомое – Тиран! Красивое! Моё Властелинство не знает более достойного слова. Я способный. Научился играть в шахматы, выучу и слова твои. Но, как обещал, покажу другие главные чудеса Великой пустыни. Ты же друг мой?

ЧУДО ПЯТОЕ, ВЕЛИКОЕ

Властелин опустился на четвереньки и сытой золотистой жабой пополз на вершину бархана. «Опять задумал что-то», – решил Ахмет.

Шах-Бардах сидел на самой макушке золотого «шатра». Нос его заострился, взгляд был свирепым. Он складывал и отнимал пальцы, поднимал глаза к небу, будто ученик, позабывший урок, и шевелил губами. Юноша понял: Властелин считает, сколько чудес показал и сколько осталось. Ахмет молчал: чем скорее Властелин покажет чудеса, тем скорее всё это кончится.

– Сейчас, друг мой, для тебя ещё одно Чудо! – он поднял палец и, как обычно, устремил взор на солнце. Кипел огонь в глазницах, выгорали зрачки...

– О! Небеса Великие! – шептал он, отчаянно картавя. – Солнце Вечно сияющее! Великие и малые барханы! Каждая песчинка жёлтых морей Великой пустыни, сложитесь и разделитесь в фантазию, игру миражей. Дайте мне Фату Моргана! Фату Моргана! Фату Моргана!

Сказав эти слова, он закружился вихрем и исчез.

Появился так же внезапно, но уже спокойный, хотя в глазницах ещё бесновалось пламя и шёл чёрный дым.

– Пусть дым, – завизжал он, – затуманит глаза каждому-у-у. Фатааа Морганаааа! Миии-рааажжж! Миии-рааажжж!

В тот же миг в пустыне появилось озеро, окружённое зеленью лугов с кипарисами и пальмами. Покачивая белыми крыльями, над озером летали чайки. От воды, казалось, повеяло прохладой. Ахмет облизал губы, хотелось пить. «Настоящий оазис! Владыка одумался, сжалился. Вероятно, там же люди моего аула?» Сердце радостно застучало. Столько дней не видел он ни капли воды, а тут целое озеро.

Мысли его перебил голос Властелина:

– Друг мой, посмотри теперь в эту сторону.

Ахмет повернулся и увидел прекрасные дворцы. Они были настолько изящны, что казалось, построили их сами боги. И теперь они опустились прямо с небес. Белокаменные, с куполами, они стояли на берегу моря. По лёгким волнам под белыми парусами скользили яхты. И под пологом серебристых облаков кружили райской красоты птицы. Всюду в тени дворцов и деревьев отдыхали в белоснежных одеждах люди.

«Настоящий рай!» – мелькнула мысль у Ахмета.

– О, Владыка Великой пустыни! – собравшись с силами, сказал он. – Могущественный! По своему велению ты можешь изменить лик этой земли. Ты спас моих людей, теперь прошу – отпусти меня к ним.

Но Шах-Бардах сделал вид, что не слышит. Взор его обращён был в сторону, где прячется вечернее солнце. Он снова шептал что-то, задрал палец. Ахмет посмотрел туда, куда указал Шах-Бардах, и сердце его дрогнуло. Среди бесконечных песков у дымящихся очагов, в тени едва стоявшего на ногах верблюда прятались от убийственного солнца умирающие от жажды и голода люди его аула. Всюду рыскали шакалы и выли бездомные собаки. Сердце батыра облила горячая обида.

– Они ждут меня! – вскрикнул Ахмет. – Ты сказал, что спас их! Настоящий обманщик, тиран! Тиран! Если не поможешь, не нужны мне твои чудеса. Ни об одном слова не скажу доброго. Буду считать, что нет тебя. Ты не существуешь и ничего не можешь! Разве так поступают Великие? Это не по законам Востока. Не считай меня ни гостем, ни другом. Я только пленник проклятой земли. Одного тенге не стоит Великая пустыня и ты в придачу с ней.

От дерзких, но справедливых слов Ахмета Властелин растерялся. Впервые за всю вечность свою он услышал слова гнева. В глазах его вспыхнула синим огнём ярость. Но Шах-Бардах умерил пыл и медленно опустил палец. Угас огонь в глубоких глазницах. Колдовское безумие отступило. Властелин сказал:

– Хорошо, друг мой. Ты – настоящий батыр! Крепко сердись на Моё Властелинство. Я сделаю так, как хочешь ты. Желания гостя для хозяина – закон.

Он сказал что-то и поднял палец.

– Я услышал тебя. О друг мой! Твои люди пребывают теперь в лучшем оазисе Великой пустыни. Но я не люблю их. Они неинтересны и тоже не любят меня. Твои лягушки найдут кров и пищу.

– Ты почему их так называешь?

– Без сырости и плесени они не могут. Молятся каждой луже, когда жажда коснётся их сердец. Бегут к ним по головам друг друга. Лишь бы капля воды. Поэтому моё Чудо Великое, – он посчитал на пальцах, – Чудо Пятое – Фата Морганна! Это чудо из чудес. Мне оно интересно. Показываю его каждому умирающему от жажды. И люди, завидев придуманные мной в раскалённых песках оазисы и озёра, где никогда не бывает воды, сходят с ума. Нравятся им миражи. Тогда завожу их в зыбучие пески, насылаю Самум, Смерч... Ха-ха-ха, хи-хи-хи!

Властелин потирал руки и скалился:

– Играю с ними, пока не похороню заживо в «золотых могилах» сухих морей и озёр. Какое наслаждение! Ха-ха-ха-хи-хи-хаа!

– Ты не только тиран! Ты безжалостный убийца! – вскипел Ахмет. – Дырявый мешок с песком, ничтожество! Презираю тебя и твою пустыню!

– Ты сердисься на Моё Властелинство, друг мой? Ты снова сказал красивое слово – «Ти-та-рин или татарин»? И теперь ты не просишь Великого и Мудрого Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Духа показать ещё Чудо. Проси же. Я уже выполнил волю твою – спас твоих людей, и ещё их, как ты назвал – «дети». Их тоже спас. Кто они – «дети»?! Почему не знаю?

Долго молчал Ахмет. Гнев сделал его совсем бессильным.

– Доволен? Не сердисься? Сейчас покажу Шестое Чудо – Великое!

ЗЕЛЁНЫЕ ЧУДЕСА

– О! Владыка, – сказал Ахмет, – чудеса твои ужасны. Жестокость в них и смерть бродят вокруг Хан-Эль-Бархана. Знай, Владыка, самое главное на земле, аксакалы так говорили, – Жизнь и только Жизнь! Твоё царство великое, но мёртвое. Зной и тоска, гнетущий покой всюду.

– Как несправедлив ты, друг мой! Ты человек, и тебе свойственно часто ошибаться, – Шах-Бардах раскинул руки и пронзительно закартавил: – Страна золотых песков – чаша, полная жизни!

Он властно сверкнул глазами, глянул на своего гостя и, заложив за спину руки, заходил по бархану. Огонь в глазах его то угасал, то вспыхивал.

– Самая великая звезда Великой пустыни, – говорил он, – Солнце! Под неусыпным оком его гуляют смерчи, резвятся ураганы, возникают, шутя, миражи. По велению его и ветра кочуют, как верблюды, мои барханы. Они нарождаются с молодым месяцем и умирают, как перезревшая Луна.

Зной и безводье в пустыне – брат и сестра. Они всегда вместе. Иначе пустыня не была бы Великой. Кто дышит её воздухом и согревается её добротой, живёт здесь как рыба в океане. Свободно и счастливо. Травы, деревья, звери, птицы, ящерицы, змеи, насекомые и каждый паук – приспособились. Пустыня за долгие века изменила, переокрасила их. Они теперь не походят на тех, какими пришли сюда в седые времена своей древней юности. А пришли они из лесов и болот. Тьфу! – сплюнул песком Шах-Бардах. – Язык отсохни, если ещё раз скажу поганое слово «болото». Тошнит от него. О! Великие небеса, – продолжал он, – сделайте, чтобы уста мои для этих слов никогда не открывались.

Он с гордостью указал на пески:

– Веками, тысячелетиями отвоёвывал я у сырости ненужных степей и лесов эту землю. Победил я и воздвиг на их месте золотую страну и замки.

Безмерно гордился он Страной солнечного огня. И ещё раз сплюнул.

– Да пусть мозоль на языке моём вырастет, если Я – Великий из Великих, произнесу противные слова – степи, леса...

Он опустился на четвереньки и медленно, как черепаха, полез на вершину Хан-Эль-Бархана.

– Покажу тебе, о, друг мой, Жизнь Великой пустыни. Ты увидишь, как ошибаешься. Жизнь здесь прекрасна и не похожа на всё, что за пределами моей страны.

Властелин уже смотрел на солнце. Зрачки в кипящем пламени глазниц таяли. Палец направлен вверх. Задрав бороду, он что-то страстно шептал. Наконец взмахнул рукой, и тотчас Ахмет увидел, как вокруг высокого и жёлтого бархана пустыня позеленела. Появились серые и жёлтые, зелёные и серебристые, с колочками и шипами травы, кусты и даже деревья.

Ахмет протёр глаза. Не верилось ему уже, что есть ещё на земле зелёные травы. Столько дней окружали его лишь одни пески и убийственный зной. Кто знал бы только, как соскучился он по родному селению, кристальному роднику... От воспоминаний защемило сердце.

– Смотри, о, друг мой! Какие они! – показал Властелин на травы. – Они нежные, колючие, злые и умные! Очень умные! Мой у них характер! Видишь эти, – Шах-Бардах показал на кусты с серебристыми листьями, – оделись, закрылись от Солнца. Оно теперь не в силах испепелить их. Потрогай их пушистые серебристые одежды. Не бояться – наступают, идут в самое сердце Великой пустыни. Не просмотреть бы, не то Страна золотых песков станет Страной зелёных трав. Слежу, чтобы этого не случилось. Жгу их зноем да безводьем. Они не бояться суровости Моего Властелинства.

Эти, – Шах-Бардах показал на растения с шипами и иглами, – как ежи. Злые! Кусаются! Колются! Настоящие воины! Сражаются с Солнцем. Смелы и нахальны! Как не любить их, если у них мой характер!

Тихо похихикал он, почесал бок и лукаво глянул на Ахмета:

– Эти ещё хитрее. Воском запечатали свои листья и стебли. Пить – пьют из глубины барханов, а Солнцу ни капли. Жадные да скупые! Характер, как у меня! Ох, проказники!.. Посмотри, друг мой, на этих карликов. Полтора вершка от песка, но корни их длинные, как тени вечерние, паучьей сетью расплзлись. Один бархан оплетут, на другой переползают. За сыростью гоняются. Умные! Догадливые, как я. Как их не любить?

Я со всеми строг. Свободы много – на все стороны – у нас своя демократия! Умеете – живите. Нет – погибайте.

Властелин показал на куст обычного растения пустыни – жужгуна:

– Корни, как у тарантула лапы, – цепкие, крепкие и жадные.

Ахмет знал это растение с кривыми стволами, с красноватой корой. И название у него интересное – переводится как сто солнц. Но то, что у небольшого куста такие длинные корни, не догадывался.

– Корнями, – говорил Властелин, – как паук лапами муху, держит он целые горы песка. Где жужгун, там барханы в плену.

Скучно станет – размету, развею пески, с головой засыплю его. Долго выбирается к Солнцу. Корни новые пускает, из последних сил лезет к свету. Жужгун – рыцарь пустыни, отважный воин. Никому не отдаёт свой Бархан. Мой характер!

Бывает, песок из-под него вымету: где был бархан – яма глубокая, а он зацепится за соседний и висит на корнях, как паук на арканах. Начнётся ветер – гудит, как струнами, корнями. Музыка! Чудная музыка – шакалами воют, раненым верблюдом стонут, гиенами рыдают. Люблю музыку ветра.

Властелин спустился с Хан-Эль-Бархана к кусту с шипами. Погладил его, словно ежа по спине.

– Как кусается! Сам нападает!

Шах-Бардах хихикал. Нравилось ему, как защищается куст.

– Люблю тех, кто сражается. Смелых приветствует Солнце Великой пустыни.

ЖИВЫЕ ЧУДЕСА

– Друг мой! Уста твои изрекли, будто Великая пустыня – всего лишь царство мёртвой тишины. Я докажу, что она дом для бегающих и летающих, – он поднялся на бархан и поднял палец:

– Глубины небес Великих, сердце моей пустыни, призываю Вас – Великий и Мудрый Сын ваш Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух! Пусть придут сюда от Земли, от Солнца, от Великой пустыни кто ползает, бегаёт и летает!

Властелин ещё говорил, а около бархана, ступая гордо, рисуя кресты следов, уже шла большая рыжая дрофа.

– Посмотри – о, друг мой! – на это творение. Каждое перо её отражает чудесный лик родной земли, – в руке Властелина появилось перо дрофы. – Здесь краски песков, свет Солнца, тени барханов и бархат ночного мрака. В одном её пере. Блеск глаз птицы вобрал сияние звёзд и Луны. В ней та же таинственность и загадочность, как и в самой пустыне.

В это время над ними, едва не задев крыльями, стремительно пролетели бульдуруки. Острокрылые, похожие на рыжих голубей, они весело и громко переговаривались. Ветер от крыльев стремительных птиц пахнул в лицо Ахмета прохладой.

– Знаю их. Они всегда летают к нашему водопою, – сказал юноша.

Шах-Бардах поднял палец. Стая бульдуруков в тот же миг повернула и опустилась на бархан.

– Видишь, друг мой! Это самые древние жители Великой пустыни. Лапки у них «подшиты» толстой кожей, чтоб не обжигаться. Перья под цвет песков. Затаится, легче комара отыскать в жёлтом море, чем эту птицу. Невидимка!

И додумались же в зобу птенцам своим приносить целую горсть воды чистой с далёких кудуков.

Летают быстрее мысли, стрелам подобны, пущенным лучником. Веселы и разговорчивы всегда. Обожаю – если у меня хорошее настроение.

Шах-Бардах поднял палец, и бульдуруки исчезли. На песке остались отпечатки их лап, похожие на следы зверьков.

– А теперь, друг мой, к ближней норе пройдем.

Они сползли к подножью бархана.

– Вот она.

Ахмет и слова не успел сказать, как из норы выбралось головастое, глазастое, с личиком гнома, существо. Ахмет, конечно, узнал пустынного сыча. Живёт он

в песчаной норе, спасаясь от зноя. Ночью на охоту вылетает. Днём зверьком в норе отсиживается.

– Обожаю! – сказал Властелин.

– А что это? – испуганно спросил юноша, увидев, как взбурвился песок. Кто-то в глубине стремительно уползал.

– Песчаная змея. Только она умеет под песком ползать. Тоже боится убийственного взгляда Солнца. «Песчаный удавчик!» – так называли его какие-то люди. Они ночами охотились за ними. Потом записывали всё, что видели, – учёные называются. Тысячи лет эти змеи живут здесь, а вот лишь недавно я узнал, как называются. Подслушал у этих самых учёных. Удавчики незаметно под песком к добыче крадутся. Я тоже так умею. К кому угодно могу подкрасться. Люблю таких! А как душит ящериц! Прекрасное зрелище! Меня веселит это. Настоящий удав!

Из-под ног вдруг выскочила ящерица.

– Она изжарится! – вскрикнул Ахмет. – Нужно спасти её.

– Ничего, – рассмеялся Властелин. – Ты, друг мой, только смотри, не пропусти ни одного её движения.

И на глазах произошло маленькое чудо. Моргнуть не успел Ахмет, как ящерка быстро-быстро потонула в песке.

– В зыбун попала, отпусти! О, Великий!

– Не беспокойся. Она в прятки играет, друг мой. Сам видел, как она быстро закапывается, чтобы не изжариться, чтобы не увидела дрофа. Это и есть живые чудеса Великой пустыни. Все в этом царстве ищут сырости и тени. Три-пять шагов в глубину – и песок уже сырой. Воды там сколько хочешь. Там прохладно. Потому все ищут спасения в норах.

Ахметзнакомился с живыми чудесами пустыни, удивлялся. Ещё больше был удивлён тому, как близко в знойной пустыне вода, которую Шах-Бардах называет сыростью. Но сколько помнит он себя, жизнь их всегда была связана с поиском кудуков, родников, оазисов. Там, где вода, ставили юрты, пасли скот, выращивали сады и хлеб. Из-за колодцев воевали. Счастье строилось на жизни оазисов, и беды – всё из-за них же. И потому жизнь его людей связана с изнурительным трудом. В результате приходила ранняя старость, голод, болезни и другие несчастья. Вода одинаково нужна человеку, птице, зверю и каждой травинке.

– В царстве моём капля воды дороже золота. Зной и жажда – надёжные защитники его от всяких пришельцев. Для всех в этом мире, кроме меня, сырость дороже самых великих сокровищ мира. Моё Властелинство презирает мокрую сырость. Пока есть Я – Шах-Бардах, пустыни сохраняются. И будут в них вечными Солнце и Жажда. Этой мокроты в глубине много, а наверху нет! Вот как придумало Моё Высочество – Мудрейшее и Хитрейшее! И все, кто ползает – змеи, ничтожные фаланги и жуки, скорпионы и даже травы Великой пустыни – знают об этом.

Моё Властелинство показало тебе, друг мой, насколько богата хитрой и умной жизнью страна Жёлтых морей. Жизнь эта повсюду. Мы с тобой, о, друг мой! – теперь увидели, как разнообразна и богата Золотая страна песков. И только ты, юноша, знаешь, кто есть её Мудрейший хозяин и Чудотворец – Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух!

ЧУДО ШЕСТОЕ, ВЕЛИКОЕ

Властелин и Ахмет сидели на Хан-Эль-Бархане. Жажда и усталость с новой силой овладели юным батыром. Опустив голову, он думал о прожитых годах, о бедности и лишениях отцов и дедов. «Несправедливо, несовершенно всё, – огорчился он. – Столько воды в глубинах песков, а люди истерзаны безводьем и бедностью».

Визгливое завывание прервало его тяжкие думы:

– О-о! Друу-уг моо-ой! Ты увиди-ишь ещё одно Велиии-кое – Шестое-е Чуудо! Я-аа и тыы, обаа будем пе-еть и пляса-ать! Это самое-е весё-лоо-оое чу-уудо! Великое Чуу-удоо света-а-а-а!

Шах-Бардах направил палец к небесам и обратился в жужжащий вихрь. Но что это? Вихрь воспламенился. Пламя гудело и металось. Не успел Ахмет даже испугаться, как на бархане уже стоял Властелин с поднятым пальцем. Он глядел на Солнце, и огонь кипел в глубоких его глазницах. Зрачков уже не было. Властелина трясло.

– О! Вечное и Великое светило Великой пустыни! – выкрикивал он. – Ветры, пьющие сырость и кровь. Живой огонь, не знающий пощады, и Сердце Земли – Великая из Великих пустынь, где есть самый высокий, самый красивый, самый жёлтый бархан! Это моё могущество – Хан-Эль-Бархан! Отвори двери, запертые на тысячи тайных замков. Откройся для Шестого Великого Чуда! Сотвори его, о Великий из Барханов! Очнись! Отряхнись! Оживи! Это говорю Я – Великий из Великих, Мудрый из Мудрейших!

Вдруг в глубине Хан-Эль-Бархана раздался страшный рёв. Бархан задрожал, загудел, будто проснулся в нём страшный, могучий зверь.

Шах-Бардах взвизгнул, хлопнул его ладонью по боку, словно коня, и пронзительно закричал:

– О! Великий Хан-Эль-Бархан! Чудо, Чудо покажи! Великое! Шестое!

Что тут началось, словами не передать, не рассказать. Жуткий рёв рвался из глубин песка. Его затрясло так, что Ахмета бросало из стороны в сторону, словно сидел он на взбесившемся верблюде. Властелин обратил лицо к хмурым небесам и пуще прежнего, от восторга, охватившего его, заверещал. И вдруг вскипел вихрем, который жужжал и гудел со страшной силой.

Ахмет закрыл руками голову, не понимая, что происходит. А громадный бархан подпрыгивал и ревел, как бык. Откуда было знать бедному юноше, что в природе песчаных пустынь земного шара бывают подобные ревушие и гудящие барханы. Не знал он и того, что их называют «поющими».

Хан-Эль-Бархан трясло так сильно, будто началось извержение вулкана. Ахмет упал, раскинул руки и ноги, чтобы не скатиться, чтобы не засыпало. А когда пришёл в себя, увидел Шах-Бардаха на коленях, он изо всей силой колотил по песку и визжал так, что у Ахмета закололо в ушах.

– Ещѐ-ѐ-ѐ! Ещѐ-ѐ! Давай-аай! Повесели Владыкуу!

Ещё сильнее затрясло Хан-Эль-Бархан. Громче загудел он и запрыгал так, что сам Властелин едва стоял, то и дело поправляя корону и не переставая хохотать и визжать. Живот у него подпрыгивал и песок летел во все стороны.

– Я-а мог-ууч! Вели-ик! Добрый и веселый! Музыканты! Певцы! Утешьте Моё Властелинство! Петь и плясать хочу-уу!

Ударил барабан. Выглянули из песка черепа. Задул ветер, и музыканты запели, заиграли... Пустыня превратилась в крошечный ад. Поправляя ползущую на глаза корону, Властелин картаво запел:

– Пу-устыы-няя моя вее-чна-ая!
А жии-знь у всех быстротеч-на-аяя!
Та-ак-ой я на свете оди-и-ин.
Жёлтых морей Господи-и-ин!

Хор черепов подхватил:

– Жёлтых морей наш господи-и-ин!

Трудно сказать, сколько времени гудел и ревел Хан-Эль-Бархан. Столько же пел обезумевший Шах-Бардах. И ровно такое же время он плясал, хлопал в ладоши, дико хохотал и тряс бородой. Огонь гудел и вращался в его глазницах. Безумство, им овладевшее, никогда, казалось, не остановится. Но вдруг он замер, щёлкнул челюстью. Ему в ответ защёлкали зубами черепа, засвистели и скрылись в песке. Умолк барабан. Затихло гудение. Остановился рёв. Утих бархан. Властелин, раскинув руки, лежал с раскрытыми глазами. Пламя в них угасало. Из ушей и ноздрей шёл чёрный дым.

– Живой ли? – смотрел на него Ахмет. И тогда он подполз к Властелину, неподвижному, бездыханному, и заглянул в глаза. Но страшно испугался: на него в упор и зло смотрел Владыка. Острые, как копыя, зрачки нацелены прямо в сердце...

– Ты доволен, друг мой? – спросил Властелин. – Это самое весёлое, горячее Чудо – Шестое. Славно повеселились? Не правда ли?

Ахмет встал перед ним на колени:

– Владыка, я устал. Не могу больше... Возьми жизнь мою. Ещё одним черепом укрась свои владения. Или отпусти!

– Такой нетерпеливый ты, друг мой! Горячий, как каждый смертный. У нас впереди вечность, а ты торопишь. Некуда, друг мой, спешить. Люди потому не живут долго, что всю короткую жизнь свою куда-то бегут.

– Отпусти, Владыка! – взмолился снова юноша. – К людям своим хочу!

– Друг мой, славный и отважный! – тихим голосом отвечал Властелин. – Моё Властелинство в Кладовой Великих Чудес пустыни, на доньшке, хранит самое главное, самое Великое Чудо – Седьмое. Мировое! Покажу его тебе. А потом и подумаем, что нам делать. А пока лучше будет, если ты и я спокойно поговорим о делах наших общих, друг мой Ахмет.

Властелин сложил за спиной руки и важно прошаживался:

– О людях пока забудь. Их много. В Великой пустыне я один. Ты, друг мой, сейчас тоже один. Хочу поделиться с тобой самым дорогим, важным, что случается только между большими друзьями. А они – люди – вспоминают о тебе лишь потому, что ты должен их спасти. Но уверен: они уже и не думают о тебе. Они заняты собой. И очень скоро забудут не только то, что ты для них сделал, а и вообще о тебе. Они постараются! Не люблю их.

Теперь, друг мой, время для Чуда Главного, самого Великого. Будь внимательным. Это самое Главное Чудо!

Властелин поднялся, сел на вершине Хан-Эль-Бархана:

– Садись, о, друг мой, ближе. Разговор будет важный.

– Скорее показывай Чудо своё Седьмое, – грустно сказал Ахмет. Жажда душила и мучила его. Он уже с трудом дышал.

ЧУДО СЕДЬМОЕ – ГЛАВНОЕ

– Ты, друг мой, – сын рода человеческого, нетерпелив очень. Слова у тебя вперёд забегают. Не торопи время, как погонщик загнанного мула. Наслаждайся жизнью как есть. Она у тебя одна. Однажды тебе Небесами отпущенная. А ты её предлагаешь, как изношенную рубаху. Смотри на меня! Тысячелетия прошли, а я весь новенький! Молод! Красив! Умён!

Властелин ещё хвалил бы себя, но Ахмет торопил:

– Показывай, Владыка, своё Седьмое – Главное Чудо. И помни, о, Великий! Я – сын своего народа – человеческий, как ты сказал, и, правда, не вечный. У тебя вечность, у меня годы. В этом мы тоже не похожи. Потому и желания и мысли наши такие разные. Я должен говорить тебе об этом.

– Ты опять торопишь. Это не достойно Моего Властелинства. Я так старался повеселить тебя, – Шах-Бардах впервые тяжело, по-человечески, вздохнул.

Ахмету даже стало чуть-чуть жалко его.

– Кто-то из нас, – говорил Шах-Бардах, – не понимает главного. Думаю, не понимаешь ты, друг мой! Я Мудрый! Понятливый! Добрый и весёлый! В мыслях и поступках ошибаешься только ты.

Ахмет огляделся. Пустыня дышала зноем. Воздух бурлил и вскипал над золотистыми барханами. Всё живое попряталось, затаилось. Только похожие на чугунные игрушки чёрные жуки, не успевшие зарыться, гibli, опрокидываясь вверх лапками. Крылья их тут же светлели. Тишина давила и угнетала.

– Я жду, Владыка... – процедил сквозь зубы юный батыр.

Но Властелин вёл себя странно: не поднимал пальца, не тряс бородой, не творил заклинаний. Он задумчиво смотрел на солнце. В глазницах не вскипал огонь, не выгорали зрачки. Он был спокоен.

– Теперь, друг мой, сам внимательно посмотри на меня, – сказал он.

Ахмет и так не спускал с него глаз. Задумался: «Что изменилось? Что произошло?» Он смотрел и ждал Чуда или жестоких поступков.

– Ну, вот и всё, – сказал Шах-Бардах. – Ты увидел самое Главное – Седьмое Чудо Великой пустыни?

Юноша отрицательно покачал головой:

– Нет, Владыка, ничего не увидел. Не вижу главного твоего Чуда.

Ахмет ещё раз огляделся. Ничего! Всё по-прежнему. Всё так же окружали тоскливые, знойные пески.

– Смотри! – воскликнул Шах-Бардах.

В тот же миг он обратился в сияющий золотом вихрь. Сильнее, чем прежде, вихрь жужжал и свистел, и даже глухо ревел. И вот перед Ахметом опять хозяин пустыни на великолепном золотом верблюде, с пышной гривой и широкими «шароварами» на ногах. Томные янтарные глаза гордого животного излучали свет. На голених были кованые тонкого золота наколенники от ожогов, когда опускается он на раскалённый песок.

Шах-Бардах сидел в седле из чёрной слоновой кости с драгоценными камнями.

– Ещё раз взгляни, – сказал Властелин. – Очи твои увидят, разум подскажет, где Чудо Главное – Седьмое!

Ахмет молча глядел на Властелина и не знал, что ему ответить.

– Ах-ха-ха-ха, хи-хи-хи-хии! – смеялся Шах-Бардах. – Великое! Главное! Седьмое! Оно перед тобой!

Шах-Бардах надул щёки и живот. Он хотел казаться важным, могущественным, красивым. Но ещё больше походил на медный пузатый самовар, начищенный и отчаянно пыхтящий.

– Чудо Седьмое – главное украшение Великой пустыни. Без него померкнет лик её, как небо без утренней звезды – Астарты.

«Кого же он так нахваливает?» – размышлял Ахмет.

– Чудо – это Я сам, Моё Властелинство и есть Главное Чудо Великой пустыни. Это Я! Моё... Моё... Вели... апчихинство!

– Апчихинство? Кто это такой? Апчихинство? – спросил Ахмет.

– Какое апчихинство ещё? – переспросил Шах-Бардах. – Моё Властелинство не знает такого.

– Ты же сам, Владыка, сказал – Апчихинство!

– Я, друг мой, не говорил. Я здесь один хозяин. Никакого Апчихинства не потерплю! Запомни, друг мой! Я и только Я здесь Шах-Ба... Бардахапчихинство! – снова громко чихнул Владыка.

– Ну вот, сам же и назвал его Шах-Бардах-Апчихинство! – заметил повеселевший Ахмет.

Властелин всё понял. Он закатился визгливым смехом, свалился со своего Золотого верблюда и, схватившись за живот, стал кататься по песку.

Ахмет тоже от души смеялся, и потом оба катались по бархану у ног Золотого верблюда и хохотали на всю пустыню.

– Моё... Моё... Вели... апчихинство! Моё Шах-Бардахапчихинство! Ха-ха, хи-хи-хиии!

– Да, твоё Шах-Бардахинство! Ха-ха-ха! И твоё Апчихинство! – хохотал Ахмет.

– Ты тоже смеёшься, друг мой! Ой, умру-уу! – катался Властелин. – Спасите, умру-уу!

Наконец Властелин сел.

– Ох! У-ух! О-оо! – трясся он от смеха и вытирал глаза. А потом поднял палел и снова оказался в седле на Золотом верблюде. Огненный шар светила медленно тонул за далёким тёмным горизонтом.

– Какие мы весёлые! А ты ещё, друг мой, сказал: «Апчихинство!»

– Нет, Владыка, ты сам так назвал себя.

– Чудо перед тобой, Великое из Великих, Главное из Главных, и назвали мы его Апчихинством! Ха-ха-ха-ха! – Властелин ещё долго хохотал.

Тем временем солнце скрылось. Шах-Бардах слез с Золотого Верблюда и сел около Ахмета.

– Ты первый, друг мой, кто знает почти всё о Властелине Великой пустыни, о его Главном Чуде.

Ахмет слушал Шах-Бардаха и не знал, что опять он замышляет.

– Ты, друг мой, знаешь мой настоящий голос и увидел меня таким, какой я есть на самом деле. Меня – Властелина великих и малых пустынь мира Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Духа! Правда, великий шахматист имел счастье лицезреть Моё Властелинство как есть. Так я хранил свою тайну. Я, друг мой, могуч, как ветры этой страны. Я есть свидетель молодости Земли, очевидец изменчивости

её вселенческого лика. На моих глазах всё менялось, и там, где плескались синие моря, разлилось золото песков, и где блистали вечные льды – тоже теперь мои пустыни. Я знаю, как рождаются и умирают звёзды, как появляются и исчезают народы и цивилизации.

Много чего ещё услышал юноша: о разном и великом на земле. А когда Ахмет устремил взор в небо, уже густо светился Млечный Путь. Далеко-далеко выли шакалы и хохотали гиены. На сердце его впервые было спокойно. Он даже не заметил, как крепко заснул на Хан-Эль-Бархане под тихий разговор о вечности, о сильных и могучих мира сего, о которых рассказывал ему сам Властелин Великой пустыни.

ТАЙНАЯ ИСПОВЕДЬ

Близилось утро. Гасли звёзды, и только блистала льдистым огнём божественная Астарта. Первым засветился, как самый высокий, Хан-Эль-Бархан. Вершина сначала порозовела, и вскоре он уже весь лучился светом, отбросив длинную тень. Пустыня недолго дышала прохладой.

Ахмет проснулся. Властелин одиноко сидел на вершине бархана. Лицо его было задумчивым и грустным.

– Что-то случилось, Владыка? – спросил юноша. – Глаза твои ночи осенней печальней. Такие глаза я видел у умирающей газели.

– Ты прав, друг мой! Мне тоже бывает одиноко и грустно. Поэтому ты здесь.

Они сидели плечом к плечу и встречали встающее солнце.

– Не знаю, что со мной? Но часто Властелинство Моё оказывается в плену у грусти и печали. Ночью, пока ты спал, я слушал шёпот звёзд. И так каждый раз, как только Солнце уйдёт на покой, я выхожу и сижу всю ночь до времени, пока оно не взлетит снова на небо. Я слушаю, как засыпает ночь и как просыпается день. Мне нравится видеть, как убежища покидают звери, как выползают на охоту змеи, скорпионы, фаланги. Слушаю голодных шакалов и лисиц. Часто отправляюсь к далёким кострам караванщиков, идущих древними дорогами Великой пустыни. Могу стать кем угодно, я говорил тебе, друг мой.

Властелин взял руку Ахмета, повернул её ладонью вверх:

– Держи!

Сам же обратился в вихрь и исчез. Но Ахмет увидел, как по ладони его ползёт скорпион. Он хотел стряхнуть его, но скорпион исчез, и на ладони сидела рыжая фаланга, и вот уже вместо фаланги светится золотистая песчинка. Стряхнул её Ахмет, и тотчас там, куда она упала, явился сам Шах-Бардах.

– Видишь, мне ничего не стоит обратиться в кого и во что угодно. Но остаюсь всегда самим собой: ни песчинкой, ни комаром быть не хочу. К костру путников не ползу скорпионом, не крадусь змеёй, а просто сажусь около них, слушаю беседы, но они не видят меня, – Властелин тяжело вздохнул. – Каждый раз я с тоской провожаю проходящие караваны. Подолгу вслушиваюсь в перезвон их серебряных колокольчиков. А мне так хотелось поговорить или посмеяться с идущими моими тропами. Но я не понимаю людей. У них всегда заботы и желания. Куда-то всегда спешат. В чём смысл их короткой жизни? Не пойму, – Властелин вновь вздохнул.

Ахмет понял, что он, по-своему, страдает.

– Я совсем одинок в этом мире, друг мой, – тихо сказал Властелин. – И там, где у людей душа и сердце, у меня – тоска и печаль. Вместе с ними вскипает во мне ненависть и злоба. Но я только кажусь сердитым. И поэтому сам себя веселю. Сам себе говорю слова о достоинстве и могуществе. Это помогает мне в вечном, не знающем пощады, кругу одиночества. Но почему-то мои развлечения приносят страдания каждому, кто приходит в Великую пустыню.

Властелин помолчал. Молчал и Ахмет. Так они, плечом к плечу, сидели долго.

– О! Если бы хоть раз кто-то сказал мне доброе слово. Стал бы я самым счастливым повелителем на земле.

Властелин молчал, и взгляд его стал ещё грустнее.

– Признаюсь, юный друг, стал я завидовать газелям, шакалам, гиенам и каждой букашке. Травинке и звёздам... Их много. Они вместе. На небе есть Луна и Солнце. Я же один. Не с кем переглянуться, словом обмолвиться. Я устал от вечного одиночества.

Властелин положил руку на плечо Ахмету:

– Ты согласен дружить со мной? Нет, не отвечай. Боюсь, откажешься. Сначала подумай. Я буду ждать до вечера. А теперь оставляю тебя. Я должен отдохнуть и подумать ещё. Жди, когда зажжётся на небесах ранняя звезда Астарта.

Ахмет было хотел сказать, чтобы он отпустил его, но вместо Властелина над барханом уже танцевал вихрь. Вскоре всё стихло. Ахмет теперь был один на высоком бархане. Но вдруг перед ним появился белый шатёр, в нём накрытый дастархан, на котором было всё, чего только ни пожелаешь. Ахмет понял, что люди его уже спасены. И впервые за много дней ему было легко и хорошо.

ВЛАСТЕЛИН ПРЕДЛАГАЕТ ДРУЖБУ

Ночь и день Ахмет отдыхал в белом шатре, где были разные яства, которые бывают на байских дастарханах. В небе уже засветилась лучезарная Астарта. Вечерняя мгла разливалась по складкам пустыни, по горбатым спинам дюн и барханов, и словно сказочный павлин развернул звёздный хвост над Великой пустыней. И ночь стала ещё более таинственной и загадочной.

Из-за горизонта спешила взлететь Луна. Призрачный свет её преобразил весь мир: сделал его серебристым. Ахмет сидел на Хан-Эль-Бархане, наслаждаясь тишиной и прохладой. Вдруг зашелестел песок: знакомый вихрь уже танцевал над самой высокой вершиной. А ещё через мгновение перед Ахметом возник сам Шах-Бардах. Глазницы его были налиты лунным огнём. Он казался другим, – он был спокоен и не внушал прежнего страха. Ахмет понял: солнечный огонь заряжает его не только силой, но и злостью тоже. Солнце и только солнце воспламеняет в нём беспощадность и коварство.

Вокруг мерцали песчинки. Тени мягко стелились у подножья голубых гряд и барханов. «Вот, оказывается, почему жизнь пустыни торжествует в ночи, – подумал юноша. – Солнце виновато, оно делает свирепым Владыку». Теперь же, без злобы и жестокости в глазах, сидел вместе с ним хозяин Великой пустыни, способный думать и рассуждать. В этот час он был тихий и краткий.

Вокруг ликовала жизнь. Пролетали ночные птицы. Где-то далеко выли шакалы и кричали сычи. Серебристыми лентами по пескам скользили змеи. Теням по-

добно проходили, словно отлитые из серебра, газели. Глаза их светились синим фосфором. Пустыня стала одной из сказок «Тысячи и одной ночи».

Обхватив колени, Властелин прижался к плечу Ахмета. И так они сидели молча, как два старых приятеля.

– Что это? – спросил вдруг Шах-Бардах. Он показал на себя.

Ахмет услышал, как в груди Властелина застучало сердце.

– У тебя ожило сердце.

– У меня? Сердце? Я живой, как все! – он вскочил и подпрыгнул от радости.

– Ты будешь со мной дружить? Я живой!

Юноша наблюдал за Властелином Великой пустыни, который радовался, как ребёнок, которому подарили живого щенка. Почему-то в этот момент Ахмету стало жаль Владыку, и он был готов простить ему все его козни.

Глаза Шах-Бардаха горели холодным лунным огнём, но теперь в них светилось счастье. В знак согласия Ахмет кивнул головой:

– Да, Владыка, если ты перестанешь быть жестоким и злобным, только тогда стану твоим другом.

Услышав эти слова, Шах-Бардах подскочил, захлопал в ладоши и, обратив взор в небеса, закричал громко и картаво, как мог:

– О! Небеса Великой пустыни! Прелестная богиня ночи – Луна! Тысячи звёзд вечного кружения в час Луны, озаряющей лик Великой пустыни, станьте свидетелями того, что Сын ваш – Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух в этот миг вечности нашёл себе друга – сына человеческого, духом и телом стойкого батыра, доблестного юношу, отцом при рождении наречённого – Ахмет! Ах-Мет!..

– Ах-Мет! – повторили небеса.

– Я теперь не одиноок! Не одиноок!

– ...иноок, ноок... ок-ок-ок, – повторили хором звёзды.

– Я счастли-ив!

– ...астлив-стлиив-иив-ив-ив! – шептала лунная даль.

Синее пламя вспыхнуло в глазах Властелина. Ахмет насторожился: сейчас он опять выкинет что-нибудь...

– Нет, друг мой, не бойся. Мне хорошо. Я слышу, как в груди моей бьётся сердце. Это значит, у меня есть душа. И главное – есть друг. Теперь я не одинок.

Он поднял палец, обратился в бешеный вихрь и сразу же исчез в Хан-Эль-Бархане.

ПОДАРОК ВЕЧНОСТИ

Ахмет один на бархане. Ночь торжественно плыла в ореоле Лунного света. Искорками зажигались и гасли песчинки. Все тихо и безмятежно. Тихо влаивала пустынная лисичка, да грустно далёким муэдзином голосила авдотка. Ахмет хорошо знал желтоглазого, пустынного кулика. И всегда голос его печальный и грустный. Теперь он почувствовал себя очень одиноким. Синей лентой огня словно расписалась на небосводе падающая звезда. Рядом совсем монотонно пилил, не переставая, сверчок.

Но грустить Ахмету не пришлось: зажужжал, закружился вихрь. Он вырос до невероятных размеров, вспыхивая разноцветными огнями, и вот уже на Хан-Эль-Бархане на Серебряном Верблюде сам Шах-Бардах. Это была впечатляющая

картина: Властелин и верблюд казались отлитыми из чистого лунного света. В глазницах всадника поселился синий огонь. Громадное животное с глазами, в которых гордости было, сколько воды в океане. Они также источали нежное сияние ночной пустыни.

Шах-Бардах поднял палец, и верблюд лунным облаком опустился на бархан. Не вставая с седла, сверкающего камнями разных цветов и оттенков, Властелин запустил руку в серебряную гриву верблюда, и в руках его появились песочные часы с хрустальными бокалами.

– Вот так, лёжа, – показал Шах-Бардах, – они были спрятаны в тайнике моего бархана на все времена моего владычества. Теперь смотри, друг мой! Я ставлю их, и сразу потечёт песочная Струя. С этого момента и потечёт время, но уже наше с тобой. Жизнь каждого из нас станет подвластна этому времени. Твоя и моя, друг мой! Это значит, она будет подвластна движению небесных светил, вращению Земли, смене времён года, восходов и закатов. И каждое мгновение будет учтено в потоке лет. Это означает, что я также стану смертным, когда песок всех пустынь мира пройдёт через это маленькое отверстие между бокалами.

Властелин всё ещё сидел на Серебряном верблюде и держал самое дорогое – Часы бессмертия.

– О! Небеса великие! – воскликнул он.

Небеса, как заметил Ахмет, посветлели. Пустыня окрасилась в тёплые розоватые тона.

– О! Златоликое Солнце! О! Серебряноглазая Луна! Каждая – большая и малая звезда! Встаньте и сойдите, говорить будет Сын ваш Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух!

И свершилось чудо, какого никогда никто не видел: по разные стороны неба встали Луна и Солнце. При Солнце ярко горели звёзды, не померкла Луна. Одна сторона верблюда окрасилась в серебряный, другая – в золотой цвет.

– Призываю вас стать свидетелями великого поступка.

В тот же миг на месте и Серебряного верблюда, и Властелина образовался стремительный вихрь, сверкающий огнями ночи. И вот уже Шах-Бардах с Часами вечности встал перед юношей.

– Я, Властелин Великой пустыни, отроку человеческому, простому смертному – Ахмету, дарую самый дорогой подарок – Часы вечности!

Шах-Бардах склонился с почтением:

– Бери же, друг мой! И станешь отныне такой же вечный, как я.

Как только Ахмет коснулся Часов вечности, в тот же миг с Великих небес ушло Солнце, на своё место встала Луна и по местам разлетелись звёзды. И тотчас между хрустальными бокалами Часов вечности зазвенела золотистая нить песка.

– Время пошло! – склонившись, сказал Шах-Бардах.

В руках Ахмета – часы, верхний бокал которых золотистый, излучающий тепло и свет, нижний – серебристый, налитый холодным лунным сиянием.

– В руках твоих, – сказал Властелин, – величайшее сокровище и тайна моего бытия – Часы моего бессмертия. Верхний сосуд – символ будущего, надежды, он же свет и тепло – сама Жизнь. Всё в нём от Солнца. Нижний – символ прошлого, холодного, мёртвого. Всё в нём от Луны. Жизнь и время, как видишь, друг мой, всегда вместе. Они движутся в одну сторону – из роскоши всего ожидаемого, будущего, через мгновение настоящего в прошлое, как след, который ты оставля-

ешь на песке. Сначала он идёт за тобой, но потом теряется и забывается. Струйка живого песка и есть нить, связующая прошлое и будущее. Нить настоящего, тёплого, живого, изменчивого. Стоит ей оборваться, и жизнь кончится. Ты, друг мой, можешь остановить эту нить. Я тебе доверился. Хочу, чтобы мы с тобой стали вечными. Никогда не расставались.

Ахмет держал часы, от них исходил тонкий звон.

– Слышишь? – спросил Властелин. – Это голос времени. Твоя и моя жизни теперь на одинаковых весах. Мы будем жить столько, сколько уйдёт времени, чтобы пустыни мира перебежали через это игольное ушко. Нужны миллионы лет.

Шах-Бардах бесшумно рассмеялся:

– Скажу, друг мой, если где-то на земле умирает пустыня, в другой части её зарождается новая. Ветер и вода бессменно трудятся, высекая из скал и камней, из лавы вулканов по горсточке, по песчинке всё для новой пустыни. Нам торопиться некуда. Мы вечные, вечной останется и твоя юность. Иначе б часы не назывались Часами вечности.

– Теперь, друг мой, если хочешь, иди к своим людям, или оставайся со мной. Нам всегда будет весело. Вот путь твой, там найдёшь свой аул, – он указал сторону, куда идти. – Но, друг мой, помни всегда, что есть Великий Шах-Бардах...

Ахмет обнял Властелина и договорил:

– Эль-Турух-Ибн-Дух!

– Какой молодец, ты запомнил моё имя. Как красиво сказал! А ну ещё повтори. Тысячи лет не слышал его из других уст.

Ахмет повторил имя Властелина.

– Как я рад! – восторгался Шах-Бардах.

– О! Великий и Могучий Владыка Великой пустыни, – склонив голову, обратился Ахмет. – Позволь и мне благодарить Всемогушественные небеса, Хан-Эль-Бархан, судьбу, что мы встретились. Низко кланяюсь за то, что спас ты моих людей. Прими, Владыка, пожелания друга твоего – Ахмета, сына славного Мухтара, и отца его, моего деда – достопочтенного аксакала Шурубая, и слова благодарности от всего рода моего. Помогай каждому, кто в беде. Друзей тогда у тебя станет столько, сколько звёзд на небе, и станешь ты самым счастливым из всех властелинов, – Ахмет снова низко поклонился.

– Друг мой, ты покидаешь меня. Останусь я снова один. Давай повеселимся, споём...

– Согласен, – поддержал Ахмет. – Я сын степей и пустынь, без песни никуда. А сейчас моё сердце поёт, я встретил настоящего Властелина – доброго, мудрого, справедливого...

Властелин остановил его:

– Ладно тебе, друг мой. Давай без великих слов. Надо будет, сам скажу. Лучше скажи, что нужно, чтобы повеселиться?

– Хорошо бы музыку.

– Сейчас! – в тот же миг Шах-Бардах поднял палец, и перед ними появился большой медный барабан. – Сейчас и музыкантов прямо сюда, на бархан.

Ахмет вспомнил про музыкантов, поющих на все голоса при ветре, и сразу же запротестовал:

– Лучше я сам тебе спою. Только не нужно нам музыкантов.

– Давай, друг мой, споём моё имя. Громко! Как оно красиво звучит!

Они сели на бархан плечом к плечу и даже обнялись. Шах-Бардах ударил в барабан и тонко затянул:

– Эх! Ша-ах! Эх! Ба-арда-ах, Эль-Туру-ух да разудалый Ибн-Ду-ух!

Голос его почти не отличался от петушиного крика. Но пел самозабвенно. Он очень старался. Ахмету было смешно видеть и слышать поющего Владыку. Он тут же стал подпевать ему. Вместе, под глухие удары барабана, по которому изо всех сил лупил Властелин, они затянули:

– Эх! Жиил да бы-ыл на Хан-Эль-Бархане славный Шах, мудрый Бардах, весёлый Эль-Турух да раскрасавец Ибн-Дуух!

– Буум! Бум! – стонало медное брюхо барабана.

И так они сами сочиняли и сами пели песню про Властелина Великой пустыни. А он – Властелин, хлопал в ладоши, кукарекал, свистел и даже приплясывал. Если бы со стороны услышал кто-то их пение, то умер бы от страха или смеха. Пение их напоминало крик издыхающей курицы и предсмертный визг свиньи. От бархана сразу же разбежались газели, на лёгких крыльях унеслись птицы, ящерицы забились в норы, и только рассыпанные вокруг бархана черепа слушали и улыбались. Пели друзья до тех пор, пока без сил не повалились на песок.

– Теперь давай, друг мой, музыкантов послушаем.

– Что ты! Что ты! – замахал руками юноша. – Если б была домбра!

– Что это? – спросил Властелин.

– Это инструмент моего народа. Тысячи лет он служит ему в радости и беде.

Властелин свёл вместе ладони, и в тот же миг в его руках появилась домбра. Ахмет с радостью взял её. Он сел и, поджав под себя ноги и подвернув полы чапана, ударил по жильным струнам. Пальцы его быстро-быстро заметались, забегали по тонкому грифу. Над пустыней полилась торопливая музыка. Шах-Бардах втянул голову и закрыл глаза. Он внимательно слушал, и виделось ему, как мчатся табуны гривастых коней. Вдруг вперёд вырвался белый золотогривый и птицей, едва касаясь барханов, полетел, как на крыльях, вдаль. А домбра уже стонала, тревожилась, и глухие перебои чёрными тучами давили на Шах-Бардаху. Никогда он ещё не слышал такой музыки. А Ахмет тем временем, устремив взгляд в безбрежную даль, извлекал из тщедушной, длинношей домбры чарующие звуки. Многое ещё привиделось Властелину в звуках, которые напевала домбра. И вольность, и погоня, битвы на полях сражений, топот и рыдания, даже злобные насмешки в голосах ветра.

Но вот Ахмет запел. Пел он для себя: о горькой доле, о людях своего аула, врагах и друзьях и, конечно, о любви, о любимой. Долго и с чувством пел юноша. Пустыня затихла, казалось, каждая песчинка и каждый бархан слушали совсем невесёлую песню. На время замолкли сверчки, и звёзды опустились к бархану, чтобы послушать песню молодого батыра. Когда Ахмет закончил петь, то на глазах Властелина увидел слёзы.

– Владыка! – сказал Ахмет. – Ты плачешь? У тебя никогда не было слёз, как я знаю.

– Если у меня есть сердце, душа появилась, то и нашлись слёзы. Я же настоящий, живой. И песня твоя растревожила мне душу.

Шах-Бардах обнял своего нового друга – Ахмета:

– Моё Властелинство говорит тебе слова благодарности, друг мой. Мы так хорошо провели время. Я много узнал о тебе и твоих людях. А теперь, друг мой, я уступаю твоему желанию. Иди в свой аул. Там тебя ждут.

Солнце уже погасло за горизонтом. Звёзды дружно высыпались на бархатно-синий небосвод. Ахмет прощался с Властелином.

– Я буду тебя ждать, друг мой, – сказал Владыка. – Буду знать, что есть на свете друг, настоящий, вечный.

Ахмет, куда указал Шах-Бардах, туда и направился. Где был его аул. Часы вечности позванивали стружкой текущего песка. Время шло.

Прошёл он немного и увидел, как вдали замерцал огонёк. Неслышно он подошёл к костру, около которого отдыхали его люди. Рядом журчал родник. Храпели стреноженные кони, и время от времени фыркали отдыхающие козы и овцы. Тут же на привязи были статные верблюды.

Люди не видели в ночи Ахмета. Они не знали, что он рядом и слушает легенду аксакала о злом Духе, который живёт в Великой пустыне. «Он очень злой и беспощадный! И все наши беды от него! И если кто однажды увидит его, тот больше никогда не вернётся к людям», – закончил старик свой страшный рассказ.

– Наверное, наш славный батыр тоже стал жертвой свирепого хозяина Великой пустыни. Помоги ему, Аллах! – говорили люди, сидящие у костра, и в молитве ладонями касались задубелых лиц.

А когда из мрака вышел Ахмет, все очень обрадовались. Ахмет всех обнял и до самого утра всё по порядку рассказал о себе. Только об одном не сказал юноша, что на груди его спрятаны Часы вечности. «Зачем расстраивать людей и плодить завистников. Буду жить как все», – решил он.

В КРУГУ ВЕЧНОСТИ

Много мирных, счастливых лет прошло с тех пор, как Ахмет повстречался и подружился с Властелином Великой пустыни. Мало-помалу забывались несчастья и невзгоды давних лет.

У Ахмета была семья. Были дети, появились внуки. И все эти годы он постоянно вспоминал о друге своём Шах-Бардахе. И каждый раз собирался навестить его. Да всё дела, и откладывал встречу до следующего раза: «Успею, впереди вечность. А сейчас забот и хлопот хватает». И как все, кочевал их род по знойным равнинам в поисках новых пастбищ. Строили хижины, пасли скот, растили детей.

И замечать стал Ахмет, как быстро стареют друзья и приятели его. Быстро повзрослели дети, и внуки уже большие. Постарела славная Айгуль. Красавица была. Только глаза и добрые руки напоминают о бывлой красоте... «Что делает время с человеком?» – огорчился он. А сам, как и прежде, такой же молодой и красивый. Такой же сильный. Смотрят на него родственники, радуются, что время не берёт его. Только самому Ахмету год от года беспокойнее. Он теперь только ощутил на себе и близких, как неумолимо время. Всё быстро проходит в этой жизни, и первой – молодость. У него появилось чувство скрытой вины перед семьёй, перед каждым. Глубоко переживал свою долгую молодость, а рассказать о вечности своей всё же не решался. Он перестал смотреть на себя в зеркало и потерял сон. Он чувствовал себя несчастным и одиноким. Он осознавал, что недолог час, когда ему придётся расстаться с каждым, кого он любит и уважает. Сейчас они трудятся, поют, смеются. Но скоро их не станет. О стремительном течении времени, жизни до сих пор он лишь догадывался. Но теперь он понял, что останется скоро один среди таких же молодых и здоровых людей уже другого поколения. Ужас сковал его сердце. «Как

быть? Что делать? Так дальше не должно продолжаться. Это противоестественно, жестоко и несправедливо с моей стороны». Сердце его разрывалось. Он чах на глазах. Жизнь готов отдать за своих родных. И он твёрдо себе сказал: «Нет! Так не должно быть! От вечности можно устать больше, чем от обычной жизни».

СНОВА НА БАРХАНЕ

И вот однажды с восходом солнца Ахмет оставил аул и пошёл к Властелину Великой пустыни. Несколько раз вставало и заходило солнце, но, как и прежде, без усталости, такой же молодой, он шёл к самому высокому и самому жёлтому бархану. Наконец, он увидел Хан-Эль-Бархан и в тот же миг оказался на нём. И снова перед ним затанцевал песчаный вихрь, но громадный, ревущий, и появился на Золотом верблюде Шах-Бардах.

– Я, Великий и Могучий, Властелин Великой пустыни, Сын Солнца и Ветра, Сын Луны и золотых песков, приветствую на своём Хан-Эль-Бархане сына человеческого, друга моего – Ахмета!

– С великим удовольствием рад лицезреть Великого из Великих, Мудрого из Мудрейших, Властелина и Повелителя жёлтых морей земли и Золотой империи песков! – сказал Ахмет и низко поклонился. – С великим почтением, Небеса не дадут солгать, произношу славное имя Твоё – Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух! – он снова поклонился, приложив руки к сердцу.

Доволен Властелин был, что в безмолвной пустыне так сладко и почтительно звучит его славное имя. Он тут же поднял палец. В глазницах его стал бушевать огонь, и вместе с Золотым верблюдом обратился он в ревущий вихрь. А в следующий момент уже один появился на бархане.

– Ещё раз выражаю радость, что очи мои видят и слышат тебя, о, друг мой – сын человеческий!

Ахмет, виновато склонив голову, стал говорить:

– О, Великий и Мудрый Владыка, я признателен тебе за всё, что ты сделал для меня и моих людей, благодарен за великий подарок – Часы вечности. Ещё раз мой низкий поклон.

– Что ж мы стоим, друг мой, присядем. Тебе отдохнуть бы с дороги.

Они, как прежде, сели рядышком, плечо к плечу.

– Рад слышать голос твой, – сказал Шах-Бардах.

Ахмет вынул из-за пазухи Часы вечности и протянул их Властелину:

– Возьми их назад, Владыка!

Шах-Бардах нахмурился:

– Разве Моё Властелинство может взять подарок свой обратно? Я чем-то обидел тебя, друг мой? Если так случилось, Великие небеса подтвердят, я не хотел этого.

– Нет, Владыка.

Ахмет говорил, склонив голову и опустив глаза:

– Всю свою жизнь буду помнить и восхвалять твою доброту, твоё величие. Сердце моё подсказало, чтобы я вернул тебе подарок. Больше так не могу.

Он встал на колени и стал горячо говорить:

– Хочу жить как все, как каждый сын и дочь человеческие. Поэтому и возвращаю твой бесценный подарок.

В глазах Властелина вспыхнул огонь гнева. Нос заострился. Он в упор глядел на своего гостя.

– Ничего не понимаю, друг мой, – строго сказал он.

Ахмет ласково улыбнулся:

– О, Великий и мудрый Владыка. Я говорил, – я простой отрок человеческий. Мне вечность не нужна. Жить хочу жизнью и законами, которыми я создан. Пойми, Владыка, каждый на этой земле – муравей, цветок, верблюжонок и человек – должен пройти в жизни своей через время детства, пору юности, годы зрелости к обязательной старости. Таковы законы Жизни. Со зрелостью, когда устаёт тело и выветривается дух, приходит пора мудрости. Она даёт силу мысли, порядок чувствам. Старейшины всегда были способны на мудрые советы и поступки. И только за это у народов была и остаётся в почёте старость. И так всегда будет. Я же, Великий, как был, так и остаюсь молодым. И ничего, что свойственно человеку в эти годы, у меня нет. А мне хочется, чтобы новое поколение уважало и помнило меня после того, как придёт час мой последний.

Ахмет умолк. Молчал и Шах-Бардах. Всё было правдой. Но правда эта всегда оставалась непонятной, далёкой для хозяина Великой пустыни.

– Моё Властелинство знает, друг мой, одно – ты и я вечны. И это Главное в жизни. Это значит – всё прекрасное может повторяться сотни и тысячи раз. Разве это не счастье? Так о чём же ты грустишь? Живи и наслаждайся. За твоим порогом не караулит тебя день и час твой последний. Ты вечный! Молодой и красивый всегда! Разве этого мало? – шёпотом закончил разговор Властелин.

– Пойми, Владыка Великой пустыни, если я останусь вечным, то переживу сотни и тысячи поколений. Века дождями прольются. И в конце концов окажусь я среди совершенно чуждых мне по духу людей. Я ж простой смертный, должен жить среди людей своего времени, своей религии, языка и традиций. Время же изменит все нравы и обычаи. То, что считалось добром, обратится во зло, а зло – во благо. Изменяются вкусы и духовные ценности. Я не смогу привыкнуть к этому. Простому человеку пережить это не под силу. Молодость без почтения будет оглядываться в прошлое. Это больно, но так уж устроен этот благодатный мир.

Некоторое время они сидели молча. Властелин из ладони в ладонь пересыпал песок. Он думал. Но Ахмет продолжал говорить о том, что он пережил за эти годы:

– Осколком, жалким и одиноким, буду скитаться в неумолимом потоке дней. Обрету только одиночество, находясь среди людей. Это страшно, Владыка! Какое нужно иметь сердце, чтобы пережить всех родных и близких, современников и оказаться в чужом мире. Это страшнее смерти.

– Мне трудно понять это, друг мой, – грустно ответил Шах-Бардах. – Но мы друзья. Значит, я должен понять тебя и должен согласиться с тобой? Ты же первый, кто в молчаливой пустыне так тепло назвал моё драгоценное имя. Все, кто был здесь прежде, проклинали, а ты имя моё говоришь с почтением и улыбкой. Мне жаль расставаться с тобой. Но я обязан исполнить волю своего друга. Потом буду думать, может, и пойму, почему ты принёс Часы вечности обратно.

Ахмет вернул Властелину Часы вечности. Ещё раз поклонился и попросил разрешения уйти в родной аул. К своим людям.

– Моё Властелинство согласно, друг мой! Но скажи, что бы ты пожелал мне как другу?

Ахмет на какое-то мгновение задумался.

– Знаешь, Владыка, у тебя есть всё, что тебе надо.

– Да, да, я такой, ты прав, друг мой.

– Но каждый на земле – бедный, богатый, молодой, старый – все улыбаются по-доброму. А у тебя нет настоящей улыбки. Ты смеёшься там, где другие плачут и страдают. Ты непонятный. Это нехорошо. Научись, Владыка, улыбаться. И тогда станешь счастливым. Улыбайся, когда проснёшься, когда думаешь и даже когда разговариваешь сам с собой. У тебя подobreет сердце. И станет у тебя много друзей. Это значит – быть счастливым. Желаю тебе счастья!

ПОДАРОК АХМЕТА

Властелин сидел на бархане. Было ему очень грустно. Ахмет на прощание помахал рукой и пошёл домой.

– Друг мой! – обратился Шах-Бардах. – Если можешь, для Великого и Мудрого друга Шах-Бардаха подари что-нибудь на вечную память. Я всегда буду долго-долго смотреть на твой подарок и улыбаться, как ты просил.

Ахмет вернулся на Великий бархан.

– Что же, Владыка, может подарить тебе простой и бедный человек? Возьмёшь на память мой чапан? – Ахмет снял чапан и протянул его Властелину.

– Ты поступаешь хорошо, ты настоящий друг. Отдаёшь последнее. Но мне, славный друг, не нужен твой халат.

– Тогда возьми ичиги мои, – Ахмет стал снимать с себя мягкие кожаные сапожки.

– Нет-нет, друг мой! – остановил его Шах-Бардах. – Помнишь, ты всегда говорил, что есть у тебя в ауле какие-то «дети». Да, ты их так называл – «Де-ти!». Подари «дети». Я не знаю, кто они, но очень хочу иметь дети.

– Дети – это маленькие люди. Помнишь, когда я заблудился и плакал среди трёх барханов? – спросил Ахмет.

– Да, да! Хорошо помню! Это было совсем недавно.

– Вот тогда я и был маленьким. Таких и называют – дети. Они много смеются, много играют. Их за это любят. Они, Владыка, как и ты, очень любят солнце и чистое небо.

– О! Друг мой, они очень хорошие! Тогда и подари детей. Я буду дружить с ними.

Ахмет задумался. Ему очень хотелось отблагодарить одинокого Властелина. Но как это сделать?

– Понимаешь, Владыка, дети и дня здесь не проживут. Им нужны отец и мать. Никто не отдаст ребёнка. Их не дарят. Я не знаю, что нам делать?

Шах-Бардах поднял палец и прошептал так тихо, что Ахмет не услышал:

– Небеса Великие, помогите другу моему. Он хочет сделать добрый для меня подарок. Помогите ему!

– О! Владыка, Великий и Мудрый, я придумал: я сейчас же подарю тебе детей. У тебя будут свои дети! Тебе с ними будет весело и хорошо.

– Ну, вот видишь, значит можно! Моё Властелинство всегда, вечно будет тебе благодарно, друг мой, и будет всегда улыбаться. Как ты повелел.

Ахмет взял за руку Шах-Бардаха и повёл к подножью жёлтого и самого высокого бархана:

– Я подарю тебе самых красивых на свете детей.

Они остановились у склона бархана, и тогда Ахмет нарисовал на нём круг.

– О, ты рисуешь Солнце Великой пустыни, друг мой? Такое же круглое, какое я вижу. Но где же дети? – разочарованно спросил Властелин.

– Но, Владыка Великой пустыни, ты же сам учил не торопить вечность, а сам, как ребёнок, торопишь.

– О, друг мой, как ты прав и как мудр! Горжусь тобой. Ты научился у меня мудрости великой. Молодец!

Он скрестил на груди руки:

– Друг твой, Шах-Бардах, будет покорно ждать детей.

Ахмет поставил в круге две точки – появились глаза, и прочертил линию носа между ними.

Затаив дыхание, Властелин терпеливо наблюдал за каждым движением Ахмета. А когда под чертой носа он провёл другую, похожую на молодой полумесяц, Властелин сразу догадался, что это голова, у которой есть глаза, нос и даже рот. И рот этот уже улыбается. По бокам полукруга Ахмет пририсовал два полукольца, тоже похожие на силуэт ущербной Луны. Это были просто-напросто очень оттопыренные уши, какие бывают у проказливых мальчишек.

И пока Ахмет рисовал, Властелин глаз не сводил со смешливой мордашки мальчугана.

– Друг мой! – воскликнул Шах-Бардах. – Ты Великий волшебник! Одной рукой сотворил Великое Чудо! Да-да, ты и был таким же, как он – дети!

– Да, Владыка, я и был тогда таким же, каких называют дети.

– Ты себя рисуешь?

Ахмет кивнул головой.

– Как интересно! Моё Властелинство первый раз видит, как делают детей! Это очень интересно!

Он захлопал в ладоши и от радости великой запрыгал, как ребёнок.

Ахмет с упрёком глянул на Шах-Бардаха. И он понял, что сказал что-то неправильно.

– Я молчу и больше ничего не скажу. Делай детей.

Ахмет дорисовал к голове похожие на солнечные лучи волосы, которые торчали в разные стороны. А когда пририсовал к круглому животу руки, а потом и ноги, Властелин вдруг отчаянно замахал руками:

– Нет, нет! Нет, не делай ему ноги, убери, а то он убежит. Я хочу, чтобы он всегда был со мной. Убери ноги!

– Успокойся, Владыка. Опять спешишь в своих мыслях. Только не призывай в пустыню свой Самум или Смерч, тогда никуда не убежит мальчуган. Всегда он будет с тобой.

– Если подниму ветер, он улетит? – спросил Шах-Бардах.

– Да. Он боится ветра.

– Тогда я опять останусь один?

– Да, может быть. Дети не любят ветра в пустыне. Он испугается, если загудит и затрясётся бархан. Не делай этого. У тебя же есть сердце, душа, друзья, ты не должен плохо поступать. Мальчуган будет слушать твои странные рассказы и истории.

– О, Великие небеса, Солнце Великой пустыни. Какой я глупый! Я никогда не стану делать этого. Хочу, чтобы со мной были друзья и дети! Я буду охранять

их и играть с ними. Давай красивым словом «Тиран» назовём его, – предложил Шах-Бардах.

– Забудь, Владыка, слово это. Оно уже не для тебя.

– Почему? Такое красивое слово – Тиран!

– Так называют только злых и жестоких.

– Значит, я был Тиран? – удивился Властелин.

– Теперь ты по-настоящему Мудрый и Добрый, – ответил Ахмет. – Давай назовём мальчика Шахбар! А не Тиран.

– Почему Шахбар?

– Тебя же, Владыка, зовут Шах-Бардах, а его назовём почти твоим же именем.

– О, как это прекрасно! Какое великое имя! Теперь я могу сказать – мой мальчик, мой Шахбар?

– Да, Владыка, так и зови.

Ахмет тем временем рисовал другой круг.

– Это будет ещё один мальчик? – спросил Шах-Бардах. – А почему у него усы на голове рисуешь?

– Кроме мальчиков есть ещё и девочки, – пояснил Ахмет. – А вместе, и мальчиков и девочек, называют детьми.

– Я понял! – радостно воскликнул Властелин.

– На голове у девочек всегда косички, – добавил Ахмет.

– Я догадался. Теперь у меня будут мальчик и девочка – дети называются. Как назовём золотоволосую девочку? – спросил хозяин Великой пустыни.

– Так и назовём – Алтыншаш!

– Какое прекрасное имя! Какая красивая девочка! Теперь у меня есть дети! Де-тиии! – громко прокричал Шах-Бардах. – Я счастливый Владыка жёлтых морей земли-ии!

На золотом боку Хан-Эль-Бархана теперь стояли мальчик и девочка. Взявшись за руки, они улыбались и бесстрашно смотрели на слепящее Солнце Великой пустыни.

– Они не боятся Солнца! Они весёлые, как я! – Шах-Бардах запрыгал от радости, приговаривая: – Мальчик – девочка! Мальчик – девочка! Шахбар – Алтыншаш! Алтыншаш – Шахбар! Мои дети!

Властелин так развеселился, что позабыл про наказ Ахмета. Он тут же поднял палец и хотел было призвать все небесные и земные стихии. Но Ахмет вовремя его остановил.

– Нельзя этого делать, Владыка. Они же исчезнут. Они боятся Самума, Смерча, рёва и тряски бархана. Снова останешься один. Ты же любишь детей. Не призывай в пустыню ужасных стихий.

– О, какой я опять глупый! Я люблю этих детей. Буду с ними играть и охранять их. Буду дружить с Шахбаром и Алтыншаш.

– Владыка, а теперь позволь мне пойти к своим детям и друзьям, которые без меня скучают.

Властелин подошёл к Ахмету и поклонился:

– Мой друг! Моё Властелинство благодарит тебя. Я буду вечно ждать тебя. Знай и помни, – есть на свете Великий хозяин Великой пустыни, и он твой лучший друг. Иди к своим людям, и пустыня тебе покорится. Тебе всегда помогут ветры и Солнце Страны золотых песков.

Ахмет пошёл. Время от времени он оборачивался и видел, как на самом высоком и самом жёлтом бархане стояло таинственное существо, Великий из Великих – Властелин Великой пустыни с именем Шах-Бардах-Эль-Турух-Ибн-Дух, о котором сложены страшные легенды и предания. Имя его наводит ужас на каждого, кто ходил дорогами и тропами пустыни. Теперь он стал ему лучшим другом. Последний раз оглянулся Ахмет, но за далёким, знойным горизонтом уже не смог разглядеть даже Хан-Эль-Бархан. Будто всё то, что произошло здесь было во сне.

Ахмет медленно шёл: за ним тянулась вереница следов в золотистых песках. Властелин тоже с грустью смотрел на следы удаляющегося друга.

– Я сохраню их, – сказал себе Шах-Бардах. – Их никогда не коснётся крыло Ветра, обойдёт их строптивый Смерч или удушливый Самум. Ни один зверь, ни караван не затопчет «Золотую цепь Ахмета!».

Так Властелин Великой пустыни назвал прощальные следы своего друга. С тех самых пор жители пустыни поговаривают, будто бы есть в пустыне, не то у Балхаша, не то у Арала или седого Каспия, «Золотая цепь Ахмета». Тот, кто найдёт её, станет счастливым и также обретёт вечность.

Одиноко было Шах-Бардаху. Он опустил голову и грустно смотрел на свою Великую пустыню. Взгляд его встретился со смеющимися рожицами Шахбара и Алтыншаш. Дети стояли, прижавшись спиной к бархану, держась за руки, всё так же прямо и смело смотрели на Солнце, на Владыку, на весь мир.

– Они со мной. Они улыбаются! Я иду к вам, мои дети!

Он сел около них. Шах-Бардаху стало весело: мальчик и девочка улыбались только ему.

– Вот они – дети. Самые весёлые, самые красивые. Я люблю вас, де-тии! – прокричал он на всю пустыню.

А Ахмет, пока шёл, встретил на пути родник и решил напиться, омыть лицо и руки. Зачерпнув горсть воды, он жадно пил чистую и прохладную влагу. На воде отражалось его молодое, красивое лицо. А когда Ахмет омыл и вытер полую чапана лицо, то с удивлением увидел, что на него из родника смотрело лицо старого, седобородого аксакала. Это было его отражение. «Кто это?» – вздрогнул Ахмет. Но что-то очень знакомым показалось в этом лице, в его глубоких морщинах и в потускневшем взгляде. Всё понял Ахмет... Он грустно улыбнулся сам себе. Также грустно улыбнулось ему отражение. Некоторое время он пристально глядывался в своё лицо. И ещё раз улыбнулся сам себе.

«Такова жизнь», – подумал он.

Придумано не нами...

Нет, не огорчился Ахмет. Зачем сожалеть, если так устроен мир, если так должно быть. Теперь он, как все. Такой же, как положено быть на земле каждому, рождённому матерью человеческой. Долго ещё глядывался Ахмет в своё отражение и всё так же грустно улыбался. На душе его было спокойно и хорошо как никогда.

